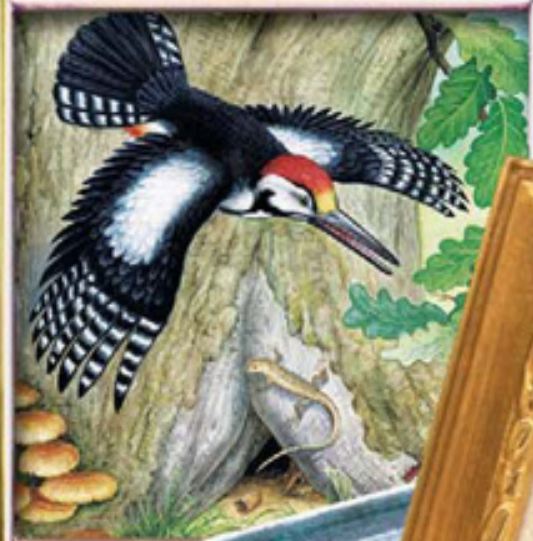

В. Бианки

Лесные
сказки
и были

Виталий Бианки

Лесные сказки и были (сборник)

«АСТ»

Бианки В. В.

Лесные сказки и были (сборник) / В. В. Бианки — «АСТ»,

ISBN 978-5-271-44287-2

В книгу вошли рассказы и сказки замечательного писателя-натуралиста Виталия Валентиновича Бианки (1894–1959). Автор открывает юному читателю мир живой природы, учит его внимательному и бережному отношению к братьям нашим меньшим. Для детей младшего и среднего школьного возраста.

ISBN 978-5-271-44287-2

© Бианки В. В.

© АСТ

Содержание

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ	5
ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ?	5
ЧЬИ ЭТО НОГИ?	7
КТО ЧЕМ ПОЁТ?	9
ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ	11
ПЕРВАЯ ОХОТА	15
КУКУШОНОК	17
ЛЕСНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ	21
РОСЯНКА – КОМАРИНАЯ СМЕРТЬ	26
ХВОСТЫ	28
РЫБИЙ ДОМ	30
АНЮТКИНА УТКА	34
СНЕЖНАЯ КНИГА	39
СОВА	41
МАЛ, ДА УДАЛ	43
НЕБЕСНЫЙ СЛОН	44
МЫШОНОК ПИК	47
ТЕРЕМОК	60
ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Виталий Валентинович Бианки

Лесные сказки и были

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

ЧЕЙ НОС ЛУЧШЕ?

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждёт, высматривает. Увидел поблизости Дубоноса и стал жаловаться ему на своё горькое житьё.

– Очень уж мне утомительно, – говорит, – пропитание себе добывать. Целый день трудишься-трудишься, ни отдыха, ни покоя не знаешь, а всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зёрнышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

– Да, твой нос никуда не годится, – сказал Дубонос. – То ли дело мой! Я им вишнёвую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюёшь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клёт-Крестонос и говорит:

– У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылушиваю. Вот так.

Клёт ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

– Верно, – сказал Мухолов, – твой нос хитрей устроен!

– Ничего вы не понимаете в носах! – прохрипел из болота Бекас-Долгонос. – Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтоб им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой нос!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

– Ах, – сказал Мухолов, – вот бы мне такой нос!

– Постой! – запищали в один голос два брата-кулика – Шилонос и Кроншнеп-Серпонос. – Ты ещё наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидел перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой – вниз, и оба тонкие, как иголка.

– Мой нос для того вверх смотрит, – сказал Шилонос, – чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

– А мой нос для того вниз смотрит, – сказал Кроншнеп-Серпонос, – чтоб им червяков да букашек из травы таскать.

– Ну, – сказал Мухолов, – лучше ваших носов не придумаешь!

– Да ты, видно, настоящих носов и не видал! – крикнул из лужи Широконос. – Смотри, какие настоящие-то носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос: «Ну и лопата!»

– Зато им воду щелокчить-то как удобно! – досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувырнулся головой в лужу.

– Обратите внимание на мой носик! – прошептал с дерева скромный серенький Козодой-Сетконос. – У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой, и глоткой. Мошкара, комары, бабочки целыми толпами в сетку-глотку мою попадают, когда я ночью над землёй летаю.

– Это как же так? – удивился Мухолов.

– А вот как! – сказал Козодой-Сетконос да как разинет зев – все птицы так и шарахнулись от него.

– Вот счастливец! – сказал Мухолов. – Я по одной мошке хватаю, а он ловит их сразу сотнями!

– Да, – согласились птицы, – с такой пастью не пропадёшь!

– Эй вы, мелюзга! – крикнул им Пеликан-Мешконос с озера. – Поймали мошку – и рады. А того нет, чтобы про запас себе что-нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю – и в мешок себе отложу, опять поймаю – и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок, набитый рыбой.

– Вот так нос, – воскликнул Мухолов, – целая кладовая! Удобней уж никак не придумаешь!

– Ты, должно быть, моего носа ещё не видал, – сказал Дятел. – Вот полюбуйся!

– А что ж на него любоваться? – спросил Мухолов. – Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, без сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

– Нельзя же всё только об еде думать, – сказал Дятел-Долбонос. – Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничных и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем, и для себя и для других птиц. Вот у меня какое долото!

– Чудеса! – сказал Мухолов. – Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы: становитесь вы все рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крюконос, схватил Мухолова и унёс себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись в разные стороны.

ЧЬИ ЭТО НОГИ?

Летал Жаворонок высоко над землёй, под самыми облаками. Поглядит вниз – сверху ему далеко видно – и поёт:

Я ношусь под облаками,
Над полями и лугами,
Вижу всех, кто подо мной,
Всех под солнцем и луной.

Устал петь, спустился и сел на кочку отдыхать.

Вылезла из-под дерева Медянка и говорит ему:

– Сверху ты всё видишь, – это правда. А вот снизу никого не узнаешь.

– Как это может быть? – удивился Жаворонок. – Непременно узнаю.

– А вот иди ложись со мной рядом. Я тебе буду снизу всех показывать, а ты отгадывай, кто идёт.

– Ишь какая! – говорит Жаворонок. – Я к тебе пойду, а ты меня ужалить. Я змей боюсь.

– Вот и видно, что ты ничего земного не знаешь, – сказала Медянка. – Первое – я не змея, а просто ящерица; а второе – змеи не жалят, а кусают. Змей-то и я боюсь: зубы у них такие длинные, и в зубах – яд. А у меня гляди-ка: малюсенькие зубки. Я ими не то что от змеи, от тебя и то не отобьюсь.

– А где же у тебя ноги, если ты ящерица?

– Да зачем мне ноги, если я по земле ползаю не хуже змеи?

– Ну, если вправду ты – безногая ящерица, – сказал Жаворонок, – так мне бояться нечего. Соскочил с кочки, лапки под себя поджал и лёг рядом с Медянкой.

Вот лежат они рядышком. Медянка и спрашивает:

– Ну-ка, ты, верхогляд, узнавай, кто идёт и зачем он сюда пожаловал?

Взглянул Жаворонок перед собой и обмер: идут по земле высоченные ноги, через большие кочки, как через малые комочки земли, шагают, пальцами в землю след вдавливают.

Перешагнули ноги через Жаворонка и пропали: не видать больше.

Медянка на Жаворонка посмотрела и улыбнулась во весь рот.

Облизнула сухие губы тонким язычком и говорит:

– Ну, друг, видно, не разгадал ты моей загадки. Кабы ты знал, кто через нас шагнул, так не испугался бы. Я вот лежу и смекаю: две ноги высоких, пальцев на каждой счётом три больших, один маленький. И знаю уж: птица идёт большая, высокая, по земле гулять любит – хороши ходули для ходьбы. Так оно и есть: Журавль это прошёл.

Тут Жаворонок встрепенулся весь от радости: Журавль ему знакомый был. Спокойная птица, добрая – не обидит.

– Лежи, не пляши! – зашипела на него Медянка. – Гляди: опять ноги идут.

И верно: ковыляют по земле голые ноги, неизвестно чьи.

Пальцы словно лоскутами клеёнки обшиты.

– Отгадывай! – говорит Медянка.

Жаворонок думал-думал, – никак не может припомнить, чтобы прежде такие ноги видел.

– Эх ты! – засмеялась Медянка. – Да ведь это совсем просто отгадать. Видишь: пальцы широкие, ноги плоские, по земле идут – спотыкаются. Вот в воде с ними удобно: повернёшь ногу боком – она воду как ножом режет; растопыришь пальцы, – и весло готово. Это Чомга-нырец – водяная такая птица – из озера вылезла.

Вдруг упал с дерева чёрный комок шерсти, приподнялся с земли и пополз на локтях.

Присмотрелся Жаворонок, а это вовсе не локти, а сложенные крылья.

Повернулся комом боком – сзади у него цепкие звериные лапки и хвост, а между хвостом и лапками кожа натянута.

– Вот чудеса! – сказал Жаворонок. – Кажется, крылатая тварь, как и я, а на земле узнать её никак не могу.

– Ага! – обрадовалась Медянка, – не можешь узнать. Хвастался, что под луной всех знаешь, а Летучей-то Мыши и не узнал.

Тут Летучая Мышь вскарабкалась на кочку, расправила крылья и улетела к себе на дерево.

А уж из-под земли другие ноги лезут.

Страшные лапы: короткие, мохнатые, на пальцах тупые когти, жёсткие ладошки в разные стороны вывернуты.

Затрепетал Жаворонок, а Медянка говорит:

– Лежу, гляжу и смеаю: лапы в шерсти – значит, звериные. Короткие, как обрубки, и ладошками врозь, а на толстых пальцах когтищи здоровые. На таких ногах по земле шагать трудно. А вот под землёй жить, землю лапами рыть да назад её за собой отбрасывать – очень даже удобно. Вот вышло у меня: подземный зверь. Крот называется. Гляди, гляди, а то он сейчас опять под землю уйдёт.

Зарылся Крот в землю – и опять нет никого.

Не успел Жаворонок в себя прийти, глядь: бегут по земле руки.

– Это что за акробат? – удивился Жаворонок. – Зачем ему четыре руки?

– А по веткам в лесу прыгать, – сказала Медянка. – Ведь это же Белка-Векша.

– Ну, – говорит Жаворонок, – твоя взяла: никого я на земле не узнал. Дай-ка теперь я тебе загадку загадаю,

– Загадывай, – говорит Медянка.

– Видишь в небе тёмную точку?

– Вижу, – говорит Медянка.

– Отгадай, какие у неё ноги?

– Да ты шутишь! – говорит Медянка, – Где ж мне так высоко ноги разглядеть?

– Какие тут шутки! – рассердился Жаворонок. – Уноси свой хвост подбру-поздорову, пока не сгребли тебя эти когтистые лапы. Кивнул Медянке на прощанье, вскочил на лапки и улетел.

КТО ЧЕМ ПОЁТ?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?

Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем хочется. Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли.

«Ква-а-а-а!» – одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни.

Обрадовался:

– Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать.

Прилетел и сел на берегу. Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, – то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:

«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист – не певчая птичка, а вон какую песню наигрывает».

И придумала: «Дай-ка на воде сыграю!»

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв! Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!»... – словно бык проревел.

«Вот так песня! – подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. – Инструмент-то у меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой – как задолбит носом по суку!

Точь-в-точь – барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с предлинными усами.

Закрутил, крутил головой, заскрипела его жёсткая шея – тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно; никто его писка не слышит. Шею натрудил – зато сам своей песней доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилковатыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков – длинные задние лапки коленками назад. На крыльях – зазубринка, а на ножках зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает – стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, – думает долгоносый Бекас под кочкой, – надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была, – полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака. Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на

бок, как брошенная с высоты досочка. Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие перышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!

ЛЕСНЫЕ ДОМИШКИ

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки. Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – от всех уворачивается.

Погонится за ней пятнашка, а она – туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь – только крылышки мелькают.

Вдруг – откуда ни возмись – Чеглок-Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все – врассыпную, кто куда, – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшная пятнашка Чеглок-Сокол.

Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха?

А уж вечер был – ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку жёлтая птичка с чёрным галстуком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать! – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут – рядом.

Зуёк пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка – кругом песок да галька, а дома никакого нет.

– Неужели не видишь? – удивился Зуёк. – Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

– Ну, что же ты? – спрашивает Зуёк. – Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, ещё хозяин обидится. Вот она ему и говорит:

– Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилки.

– Жаль, что не привыкла! – говорит Зуёк. – Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютню и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витютень.

А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето, – весь в дырках. Просто прутики на ветви накинаны как попало. На прутиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол, даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

И Витютень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот, наконец, увидела: висит на берёзовой ветке крошечный лёгкий домик. Такой уютный домик и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! – подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, – вдруг из серого домика вылетели осы.

Закружились, зажужжали – сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зелёной листвы.

Вот что-то золотое и чёрное блеснуло у неё перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с чёрными крыльями.

– Куда ты спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищу, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает.

Сперва она ничего различить не могла: всё только зелёные листья да белые берёзовые ветви. А когда всмотрелась, – так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетёная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затеяливо так свит из пеньки и стебельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой кожурки.

– Ух! – говорит Береговушка Иволге. – Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится... Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

– Ступай к Пеночке! – обиженно говорит ей золотая Иволга. – Если ты боишься на чистом воздухе спать, так тебе, верно, понравится у неё в шалаше под крышей.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился её шалашик из сухой травы и мха. «Вот славнотто! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала её укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встрепелась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох, как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша. – Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

– Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, – догадалась Пеночка. – У неё дом не на дереве – ветер его не сдует, да и не на земле – никто не раздавит. Хочешь, провожу тебя туда?

– Хочу! – говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большоголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плывёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чомга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом – не пароход, – говорит Чомга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет без слез: слезами птицы не умеют плакать.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

– Впустите, пожалуйста, хозяйushка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами. Да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птахи по ночам стучат, ночевать просятся к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, – сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки наутёк!

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Своя река, родная!

Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой тёплой постельке из травинки, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

ПЕРВАЯ ОХОТА

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, – думает, – на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» – думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, каждый по-своему!» – думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» – думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается

взад-вперёд,
взад-вперёд.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются

взад-вперёд,
взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась – тонкая-тонкая, и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена.

Стоит, качается

взад-вперёд,
взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел, смотрел – не видно Выпи в камыше.

«Ну, – думает, – обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, – то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» – думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

Удивился Щенок: куда же Удод девался? «Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! – думает Щенок. – Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял – и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унес. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок – прыг! – и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень!

Хвост в зубах у Щенка извивается.

Фыркнул Щенок, бросил хвост – и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отращивает.

«Ну, – думает Щенок, – уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве, кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, в воздухе бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг – стало кругом, как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно. Спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили – не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился да как пальнёт в него летучей едкой струйкой – прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся – да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые – все опять за свои дела принялись.

КУКУШОНОК

Кукушка сидела на берёзе среди роши.

Вокруг неё то и дело мелькали крылья. Птицы хлопотливо сновали между деревьями, высматривали уютные уголки, таскали пёрышки, мох, траву.

Скоро должны были появиться на свет маленькие птенчики. Птицы заботились о них. Они спешили, вили, строили, лепили.

А у Кукушки была своя забота. Она ведь не умеет ни гнёзд вить, ни птенцов воспитывать. Она сидела и думала:

«Вот посижу здесь и погляжу на птиц. Кто лучше всех себе гнездо выстроит, той и подкину своё яйцо».

И Кукушка следила за птицами, спрятавшись в густой листве. Птицы не замечали её.

Трясогузка, Конёк и Пеночка выстроили себе гнёзда на земле. Они так хорошо спрятали их в траве, что даже в двух шагах нельзя было заметить гнезда.

Кукушка подумала:

«Эти гнёзда ловко спрятаны! Да вдруг придёт Корова, нечаянно наступит на гнездо и раздавит моего птенца. Не подкину своего яйца ни Трясогузке, ни Коньку, ни Пеночке».

И стала высматривать новые гнёзда.

Соловей и Славка свили гнёзда в кустах.

Кукушке понравились их гнёзда. Да тут прилетела вороватая Сойка с голубыми перьями на крыльях. Все птицы кинулись к ней и старались прогнать её от своих гнёзд.

Кукушка подумала:

«Сойка всякое гнездо разыщет, даже гнёзда Соловья и Славки. И утащит моего птенчика. Куда же мне подбросить своё яйцо?»

Тут на глаза Кукушке попала маленькая Мухоловка-Пеструшка. Она вылетела из дупла старой липы и полетела помогать птицам прогонять Сойку.

«Вот отличное гнездо для моего птенца! – подумала Кукушка. – В дупле его Корова не раздавит и Сойка не достанет. Подкину своё яйцо Пеструшке!»

Пока Пеструшка гонялась за Сойкой, Кукушка слетела с берёзы и снесла яйцо прямо на землю. Потом схватила его в клюв, подлетела к липе, просунула голову в дупло и осторожно опустила яйцо в Пеструшкино гнездо.

Кукушка была очень рада, что пристроила, наконец, своего птенца в надёжное место.

«Вот какая я ловкая! – думала она, улета. – Не всякая Кукушка догадается подкинуть своё яйцо Пеструшке в дупло».

Птицы прогнали Сойку из роши, и Пеструшка вернулась в своё дупло. Она и не заметила, что в гнезде прибавилось одно лишнее яйцо. Новое яйцо было почти такое же маленькое, как любое из её четырех яиц. Ей надо бы пересчитать их, но маленькая Пеструшка не умела считать даже до трёх. Она спокойно уселась высиживать птенцов.

Высиживать пришлось долго, целые две недели. Но Пеструшка не скучала.

Она любила сидеть в своём дупле. Дупло было не широкое, не глубокое, но очень уютное. Пеструшке больше всего нравилось, что вход в него был совсем узенький. Она сама с трудом в него пролезала. Зато она была спокойна, что никто не заберётся в её гнездо, когда она будет улетать за кормом для своих птенцов.

Когда Пеструшке хотелось есть, она звала своего мужа – пёстро́го Мухолова. Мухолов прилетал и садился на её место. Он терпеливо дожидался, пока Пеструшка досыта, наестся бабочек, комаров и мух. А когда она возвращалась, он взлетал на ветку, как раз против дупла, и весело распевал:

– Тц! Крути, крути! Крути, крути! – При этом он быстро крутил своим прямым чёрным хвостом и потряхивал пёстрыми крылышками.

Коротенькая была у него песня, но Пеструшка слушала её всегда с удовольствием.

Наконец Пеструшка почувствовала, будто кто-то шевелится под ней! Это был первый птенчик, – голый, слепой. Он барахтался среди скорлупок яйца. Пеструшка сейчас же унесла скорлупки из гнезда.

Скоро появились на свет ещё три птенчика. Теперь Пеструшке и Мухолову прибавилось хлопот. Надо было кормить четырёх птенчиков и высиживать пятое яйцо.

Так прошло несколько дней. Четыре птенчика подросли и покрылись пушком.

Тут только вышел из яйца пятый птенец. У него была очень толстая голова, большущий рот, покрытые кожей глаза навывкате. И весь он был какой-то жилистый, нескладный.

Мухолов сказал:

– Не нравится мне что-то этот уродец. Давай выкинем его из гнезда!

– Что ты! Что ты! – испугалась Пеструшка. – Не виноват же он, что таким родился.

С этой минуты у Мухолова и Пеструшки не стало отдыха. До ночи таскали птенцам корм и убирали за ними в гнезде. Всех больше ел пятый птенец.

А на третий день случилось несчастье.

Мухолов и Пеструшка улетели за кормом. А когда прилетели, увидели двух своих пушистых птенчиков на земле под липой. Они ударились головой о корень и разбились насмерть.

Но как они могли выпасть из дупла?

Пеструшке и Мухолову некогда было горевать и раздумывать. Оставшиеся птенцы громко кричали от голода. Всех громче кричал уродец. Пеструшка и Мухолов по очереди сунули ему в рот принесённый корм. И опять улетели.

Сейчас же уродец задом подкопался под одного из оставшихся в дупле братишек. Бра-тишка побарахтался и угнезвился в ямке на спине уродца.

Тогда уродец ткнулся головой в дно дупла. Как руками, упёрся голыми тонкими крылышками в стенки и стал задом-задом выпячиваться из дупла.

Вот пушистый птенчик, сидя в ямке на спине уродца, показался в отверстии дупла. Пеструшка в это время подлетела к липе с бабочкой в клюве. И она увидела: вдруг снизу что-то подбросило её пушистого птенчика. Птенчик вылетел из гнезда, беспомощно перевернулся в воздухе и упал на землю.

В ужасе Пеструшка выпустила бабочку, вскрикнула и кинулась к птенчику. Он был уже мёртв.

Пеструшка и тут не поняла, что выбрасывает её пушистых птенчиков из дупла птенец-уродец. И кто бы мог подумать, что он такой злодей? Ведь ему было только три дня от роду. Он был ещё совсем голенький и слепой.

Когда Пеструшка улетела, он так же посадил себе на спину четвёртого – последнего – братишку. И так же, упёршись головой и крылышками, неожиданным и сильным толчком вытолкнул его из дупла.

Теперь он остался в гнезде один. Мухолов и Пеструшка погоревали-погоревали о пушистых своих птенцах, но делать нечего – стали одного уродца кормить. А он рос не по дням, а по часам. Глаза у него открылись.

– Погляди, какой он стал толстый, – говорил Мухолов Пеструшке, когда они встречались у дупла, каждый с мушкой в клюве. – И такой обжора: прямо ненасытный чертёнок!

Но Пеструшка уже не боялась за сына. Она знала, что добрый Мухолов ворчит нарочно.

А ненасытный птенец всё рос и рос. И прожорливость его росла вместе с ним. Сколько ни приноси еды, ему всё было мало.

Он уже так вырос, что заполнил собой всё дупло. Он покрылся пятнистыми рыжими перьями, но всё ещё пищал, как маленький, и просил есть.

– Что нам делать? – тревожно спрашивал Мухолов у Пеструшки. – Он перерос уже нас с тобой. И он совсем не похож на молодую Мухоловку.

– Я и сама вижу, – грустно отвечала Пеструшка, – что он не родной наш сын. Это Кукушонок. Но теперь уж ничего не поделаешь: нельзя же оставить его умирать с голоду. Он наш приёмш. Мы должны его выкормить.

И они его кормили с утра до ночи.

Лето кончилось. Всё чаще дул сильный осенний ветер, старая липа дрожала и скрипела под его порывами. Птицы в роще собрались на юг.

Трясогузка, Конёк, Пеночка, Соловей и Славка отправлялись в путь со своими птенцами. Они звали с собой Мухолова и Пеструшку.

А те только молча качали головой и показывали на старую липу.

Из дупла её раздавался голодный писк и высовывался широко разинутый клюв Кукушонка.

Пеструшка каждый день упрашивала его вылезти из гнезда.

– Смотри, – говорила она ему, – уже холода наступят. И тебе и нам пора улететь отсюда. Да и опасно оставаться в гнезде: ветер с каждым днём сильнее, того и гляди, сломается старая липа!

Но Кукушонок только крутил головой и по-прежнему оставался в дупле.

Пришла холодная осень, стали исчезать мухи и бабочки. Наконец Мухолов сказал Пеструшке:

– Больше нельзя нам оставаться здесь. Летим, летим, пока сами не умерли с голоду. Всё равно уж нам нечем кормить Кукушонка. Без нас он скоро проголодается и вылезет из дупла.

Пришлось Пеструшке послушаться мужа. В последний раз они накормили своего приёмш. Потом вылетели из рощи и понеслись на юг.

Кукушонок остался один. Скоро ему захотелось есть, и он стал кричать. Никто не подлетал к нему.

Напрасно он старался подальше высунуть голову из дупла, крутил ею во все стороны и кричал всё громче и громче. Пеструшка и Мухолов были уже далеко и не могли его слышать. К вечеру он охрип от крика, но всё ещё сидел в гнезде.

А ночью поднялась буря. Дождь хлестал в дупло.

Кукушонок втянул голову в плечи и сидел, прижавшись к стенке. Он весь дрожал от холода и страха.

Ветер был такой сильный, что старая липа качалась, как травинка, и громко скрипела. Казалось, вот-вот она треснет от корня до самой макушки.

К утру буря утихла. Кукушонок всё ещё сидел, прижавшись к стенке. Он ещё не мог опомниться от страха.

Когда солнце взошло высоко, его лучи проскользнули в дупло и согрели мокрого Кукушонка.

За ночь к нему вернулся голос. Но он уже так ослаб от голода, что не мог подняться на ноги и высунуть голову из дупла.

Днём в рощу пришли Мальчик и Девочка.

Ветер поднимал с земли жёлтые листья и крутил в воздухе. Дети бегали и ловили их. Потом они принялись играть в прятки. Мальчик спрятался за ствол старой липы.

Вдруг ему почудился птичий крик из глубины дерева.

Мальчик поднял голову, увидел дупло и вскарабкался на дерево.

– Сюда! – крикнул он сестре. – Тут в дупле кукушка сидит.

Девочка прибежала и попросила брата достать ей птицу.

– Я не могу просунуть руку в дупло! – сказал Мальчик. – Дырка слишком узенькая.

– Тогда я вспугну кукушку, – сказала Девочка, – а ты лови её, когда она ползет из дупла.

Девочка принялась колотить палкой по стволу.

В дупле поднялся оглушительный грохот. Кукушонок собрал последние силы, ногами и крыльями упёрся в стенки и стал вырываться из дупла. Но как ни старался, не мог протиснуться наружу.

– Смотри! – закричала Девочка. – Кукушка не может вылезти, она слишком толстая.

– погоди, – сказал Мальчик, – сейчас я её вытащу.

Он достал из кармана перочинный ножик и расширил им вход в дупло. Пришлось вырезать широкую дыру в дереве, прежде чем удалось вытащить из него Кукушонка. Он давно уже вырос с большую кукушку и был в три раза толще своей приёмной матери – Пеструшки. Но от долгого сидения в дупле он был очень неповоротлив и не умел летать.

– Мы возьмём его с собой, – решили дети, – и будем кормить.

* * *

Мимо пустой липы пролетали на юг птицы. Среди них и Кукушка. Она увидела дупло, куда весной опустила своё яйцо, и опять подумала:

«Какая я ловкая! Как хорошо я устроила своего птенца! Где-то он теперь? Верно, встречу его на юге».

И она скорей полетела дальше.

ЛЕСНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

В дупле корявого дерева среди глухого леса поселились две совы – серые неясыти.

Ранней весной неясыть-самка снесла прямо на трухлявое дно дупла четыре круглых белых яйца.

Совы вылетали из дупла только по ночам, когда все другие птицы спят. Поэтому никто в лесу не знал, где живут эти страшные ночные разбойники.

Не знали этого и крошечные корольки с огненно-жёлтыми шапочками на голове. Они долго искали по всему лесу спокойное место для своего гнезда. В конце концов они выбрали высокую ёлку как раз рядом с корявым деревом, где прятались совы.

В начале лета, когда в дупле вылупились совята, корольки тоже устроили себе гнездо.

Высоко над землёй, на самом кончике ветки они ловко сплели гибкие иглы хвои.

Совам казалось снизу, что на широкой еловой лапе перепутались в клубок мелкие веточки. Им и в голову не приходило, что в этом клубке было уютное круглое гнездо из мха, стебельков травы и крепкого конского волоса. Сверху корольки убрали гнездо еловым лишайником, в стенки вплели тонкие паутинки, а внутри выстлали пёрышками; на эту мягкую подстилку самка отложила восемь розовых с бурыми крапинками яичек, величиной с горошину.

Не прошло и двух недель, как в гнезде у корольков забарахтались голые малютки.

Совята к этому времени уже подросли. Старые неясыти ловили ночью в лесу мышей и птиц, разрывали на куски и кормили ими своих голодных пушистых птенцов. Совята становились всё прожорливее. Они громко требовали себе мяса даже днём, если за ночь родители не успевали досыта накормить их.

Только теперь корольки узнали, какие страшные соседи жили под их гнездом.

Ростом корольки были не больше стрекозы. Своими слабыми клювами и лапками они не могли защищаться от свирепых сов.

И всё-таки маленькие птички остались жить рядом с совиным дуплом. По ночам они забирались в своё гнездо, прикрывали собой птенчиков и дрожали от страха при каждом крике голодных совят.

Совы рыскали по всему лесу, но не замечали маленького гнезда корольков у себя над головой.

Наконец совята покрылись перьями, вылетели из гнезда и научились сами себе добывать еду.

* * *

Осенью вся совиная семья разбрелась по лесу. Каждая сова облюбовала себе для охоты часть леса и поселилась в ней. Ночью неясыти бесшумно облетали дозором свои владения.

Если другая сова залетала к ним в лес, они набрасывались на неё и били когтями и клювами до тех пор, пока враг не спасался бегством.

Тут уже они не разбирали, не приходится ли им другая сова дочерью, сестрой или матерью. Они были свирепые хищники, жили каждая в одиночку и никому не давали пощады.

А корольки дождались, пока их птенцы научились летать, и всей семьёй переселились в другой лес. Там они устроили себе новое гнездо и второй раз в то лето вывели и вскормили птенцов.

К осени оба выводка корольков соединились в одну дружную семью. А чтоб веселей было проводить суровую, холодную зиму, они пристали к стайке других птиц, кочевавших по лесу. Стайка эта несла службу разведчиков.

С утра до ночи птички шныряли по деревьям, заглядывали в каждую трещинку и скважину коры. Там прятались со своими личинками и яичками жуки-древоточцы, листогрызы, короеды.

Этих маленьких врагов леса птички выслеживали и ловили.

А когда замечали хищного зверя или птицу, с которыми сами не могли справиться, поднимали тревогу на весь лес.

* * *

Случилось так, что одной из молодых неясый не хватило места в том лесу, где она выросла. Её родители и сестры прогнали её от себя, потому что были сильнее.

Тёмной осенней ночью молодая неясый покинула родной лес.

Долго она летала в темноте над лугами и рощами, высматривая, где бы ей поселиться. Наконец опустилась в небольшой лес и принялась искать себе в нём подходящее для жилья дупло. Вдруг из чёрной чащи раздался протяжный, жалобный голос:

– Сплю-у! Сплю-у!

Злым блеском сверкнули глаза неясый, и сами собой разжались когти. Она узнала голос другой совы.

Прежде чем сесть здесь, надо было выдержать бой с врагом. А это не так просто, потому что, защищая своё гнездо, даже маленькая сова может справиться с большой неясый.

– Сплю-у! Сплю-у! – донеслось опять из тёмной чащи.

Неясый бесшумно понеслась на врага.

В чаще на сухой ветке сидела маленькая совка-сплюшка. Над головой у неё торчали острые рожки.

Неясый громко щёлкнула своим страшным роговым клювом. Сплюшка скользнула с ветки и быстро исчезла в темноте. Ей совсем не хотелось драться с большой и сильной неясый. В другое время она не уступила бы своего гнезда без боя. Но был уже сентябрь: ей пора было лететь на юг.

Издали ещё раз донеслось её грустное:

– Сплю! Сплю! – И всё смолкло.

Неясый облетела весь лес. Больше в нём не оказалось сов. Она осталась здесь одна.

Это был тот самый лес, где поселились корольки.

Хорошо жилось неясый на новом месте. Днём она пряталась в дупле, а по ночам охотилась.

Она тихо вылетала на большую поляну среди леса и усаживалась всегда на одно и то же дерево у самой опушки. Тут она неподвижно сидела. Прислушивалась к ночным шорохам.

Прошуршит ли мышь опавшими на землю листьями, мелькнёт ли под кустом быстрая тень зайчонка, – неясый сорвётся с ветки и в несколько взмахов настигнет зазевавшегося зверька. Кривые когти внезапно вонзятся в спину зверьку. Крылатое чудовище оторвёт его от земли и ударом клюва прикончит в воздухе.

С тёплой добычей в когтях неясый возвращается на своё дерево и тут съедает её. Только шерстку бросает на землю.

И с каждым днём под сторожевым деревом неясый валялось всё больше и больше круглых комков шерсти.

Попадались среди них и комочки птичьих перьев. Неясый никогда не пропускала случая захватить врасплох спящую птицу. Во всём лесу она не трогала только чёрных воронов. Воробышки были больше её. Неясый боялась их крепких, острых клювов.

* * *

Раз ночью неясить сидела на сторожевом дереве.

Светила луна, ветер стих, и кругом была мёртвая тишина.

Днём выпал снег, и теперь весь лес вспыхивал искрами.

Вдруг рыхлый ком снега сорвался с широкой еловой лапы на опушке поляны и мягко упал на землю.

Неясить скользнула с дерева и полетела через поляну к тихо качавшейся ветке.

Словно огромная ночная бабочка, она затрепетала крыльями на одном месте. Её глаза пристально устали в тёмную глубину ели.

Там, на ветке у самого ствола, спали, тесно прижавшись друг к другу, корольки.

Острый взгляд совы ясно различил во тьме маленькие пушистые клубочки перьев. Больше десятка корольков сидело рядом. Каждый заботливо прикрывал соседа тёплым крылышком. Короткие хвостики торчали по обеим сторонам ветки.

Холодный ветер от крыльев совы забрался королькам под крылья. Птички вздрогнули и проснулись.

В тот же миг сова бросилась на них с растопыренными лапами.

Три маленьких птички сразу забились в её когтях. Остальные в страшном смятении бросились куда попало.

Широкая тень совиных крыльев скользнула по белому снегу поляны. Неясить вернулась с добычей на своё дерево. Из темноты на весь лес раздался её пронзительный смех и вой.

Перепуганные корольки забились в густую хвою еловых лап. Так провели они всю ночь, чуть живые от страха. Наконец стало светать.

– Тук-тук-тук-тэrrrrrr! – забарабанил зорю дятел.

Роща просыпалась.

Корольки всё ещё не решались покинуть ёлку.

Где-то в глубине леса крикливые кукши затеяли громкую перебранку.

Последними подлетели корольки.

– Тарр-эрррр! – нетерпеливо барабанил дятел.

– Ци, ци, ци, – летим, летим! – со всех сторон отвечали ему синицы.

Медлить было нельзя. Корольки полетели догонять других птиц.

Пёстрый дятел с красным околышем на шапке был главным предводителем всех лесных разведчиков.

Он сидел на сухой берёзе и барабанил носом по суку. Его команда собралась уже на соседних деревьях.

Тут был поползень в голубом мундирчике с белой грудью. Были две серые пищухи с кривыми, как шило, носами. Были стайки синиц: скромных сереньких пухлячков, бойких москвовок и гренадёрчиков в бурых шинельках и высоких остроконечных шапках.

Дятел перестал барабанить, высунул голову из-за ствола и одним глазом взглянул на птиц.

Увидев, что все в сборе, он громко крикнул: «Кик!» Потом соскочил с берёзы и молча полетел вперёд, словно ему и дела не было до маленьких разведчиков.

– Твуть! – свистнул поползень и пустился за дятлом.

Поползень один во всём лесу умел бегать по стволу головой вниз. Он водил за собой всю команду, когда дятел отлучался по своим делам.

Свистя и передразнивая поползня, полетели за ним стайки синиц, пищухи и корольки.

Дятел опустил на старую ольху и короткими прыжками, упираясь хвостом в ствол, стал подниматься вверх.

Синицы прыгали по ветвям, вертясь и кувыркаясь, как акробаты. Корольки рассыпались по ёлкам и скользили в длинной хвое. А поползень и пищухи лазали вверх и вниз по стволам и ветвям. Разведка шла полным ходом. Птицы высматривали притаившихся насекомых и ловили их.

– Кик! Кик! – покрикивал дятел и перелетал с дерева на дерево.

Весёлая ватага маленьких лесных разведчиков передвигалась вслед за ним. Лес наполнялся их свистом, писком и песнями, словно было лето.

А кругом лежал снег. Утро было морозное, ясное.

Корольки летали вместе с другими птицами. Но их тоненькая песня звенела печально. В их дружной стае не доставало троих, погибших ночью.

От дерева к дереву птицы добрались уже до большой поляны среди леса. На краю её под толстой берёзой корольки заметили круглые комки перьев и шерсти. Из одного комочка высовывалось зеленоватое крылышко с двумя белыми полосками.

Королькам стало страшно: они узнали крылышко одного из своих погибших братьев.

– Крок! Крок! – раздалось в эту минуту громкое карканье с вершины высокой ели.

Корольки вздрогнули и притаились. Им почудился страшный хохот ночного чудовища.

Прошло несколько минут, пока они узнали хорошо знакомый им голос ворона.

В это время дятел увёл свою команду в глубину чащи.

Корольки поспешили на его удаляющийся крик.

В чаще было сумрачно и жутко. Корольки пугливо озирались по сторонам. Они чувствовали, что сова сидит теперь где-нибудь здесь, поблизости, спрятавшись от их глаз.

Внезапно из-за дерева вывернулась жёлто-бурая птица с хохлом на голове. Корольки бросились врассыпную. Но бурая птица сейчас же снова скрылась в чаще. За ней, одна за другой, пронеслись ещё три таких же птицы.

Это были маленькие лесные вороны – кукушки. На корольков они не обратили никакого внимания.

Дальше корольки увидели гнилое дерево с большим чёрным дуплом посередине. Из дупла на них повеяло сыростью и гнилью. Корольки поспешили прочь.

Наконец впереди показался просвет, и корольки вылетели на маленькую, залитую солнцем полянку. Тут стоял пенёк, и они увидели на нём большой уродливый древесный гриб.

Только что собрались корольки пролететь мимо него, как вдруг серые веки гриба медленно поднялись. Под веками зажглись большие круглые глаза и уставились вверх, прямо в ослепительный круг солнца.

Только теперь корольки разглядели кошачье лицо, крючковатый клюв и мохнатые, когтистые лапы большой серой неасыти.

Приспустив крылья и распушив перья, сова грелась на солнце.

Корольки сразу узнали в ней чудовище, напавшее на них ночью.

Огненно-жёлтые перья дыбом встали у них на голове.

В один миг они скрылись под защиту ветвей. Оттуда тоненькими, комариными голосами они подали тревожный сигнал.

– Ци, ци, ци, летим, летим! – сейчас же ответили им издали синицы.

– Кик! – громко отозвался дятел.

Сова быстро подобрала крылья и насторожилась.

Увидев маленьких птиц, она скорчила такую злобную гримасу, что корольки в испуге шарахнулись в самую глубину ветвей.

Тут на выручку к ним подоспели лесные разведчики.

Дятел сел на дерево и громко забарабанил и закричал. Поползень и пищухи сновали по ветвям и пронзительно посвистывали. А смелые синицы прямо ринулись в бой и с писком и

свистом стали кидаться на сову, чуть не задевая её своими короткими крылышками. Расхраб- рившиеся корольки сейчас же присоединились к ним.

Неясыть грозно щёлкала клювом. Она не трогалась с места и только выкручивала шею, поворачивая голову во все стороны, даже прямо на спину. Яркий солнечный свет бил ей в глаза, а птицы кружились над ней, как вихрем поднятые листья. Она не могла схватить увёртливых маленьких разведчиков.

При солнечном свете они хорошо видели каждое её движение и в один миг бросались в стороны. Они кидались на неё со всех сторон сразу, дразнили её.

Неясыть сидела, ярко освещённая солнцем, у всех на глазах, всем ненавистная. Она чув- ствовала себя очень нехорошо. Ей хотелось улизнуть, скрыться с глаз, спрятаться в своём глу- боком, тёмном дупле. Она уже повернулась на пне, чтобы улететь в чащу.

Но в этот миг с криком выскочили из чащи кукши.

Они слышали тревожные сигналы разведчиков, заметили сову и яростно набросились на неё.

Маленькие разведчики обрадовались неожиданному подкреплению. Кукши, с их подня- тыми хохлами, взъерошенными перьями, крикливые и злые, показались им большими и силь- ными птицами. Но сову они не могли напугать: она знала, что одним клювом может распра- виться с любой из них. Гораздо страшней их клювов был для неё резкий, отвратительный крик их. Её нежный слух страдал от сильного шума.

Она взмахнула крыльями и поднялась на воздух.

Путь к дуплу был отрезан нападающими. Она взмахнула вверх и медленно полетела над лесом, высматривая, куда скрыться от надоедливых птиц. Кукши и маленькие лесные развед- чики бросились за ней. Их крики разнеслись в морозном воздухе над всем лесом.

Чёрные вóроны слышали их с вершины высокой ели. Их зоркие глаза сразу приметили над лесом сову. Всей семьёй вороны поднялись с ели и, рассекая воздух широкими крыльями, понеслись наперез сове.

Услышав за собой их крик, неясыть повернула в другую сторону и помчалась так быстро, как только могла. Она знала, что ей несдобровать, если вóроны догонят её.

Корольки не могли поспеть за ней на своих коротких крылышках и вернулись назад в лес.

Они сделали всё, что могли: нашли врага и позвали больших птиц. Все дневные птицы ненавидят сов и всегда дружно бросаются преследовать их, если заметят днём.

Так случилось и в этот раз.

Вóроны гнали неясыть до тех пор, пока ей не удалось спрятаться от них. Тогда они вер- нулись к себе на высокую ель.

А загнанная, перепуганная насмерть неясыть дождалась ночи и отправилась отыскивать себе другое место для жилья.

Нашла ли она незанятый другой совой лес или сама попала в когти более сильному хищ- нику, – неизвестно. Но в тот лес, где жили дружные лесные разведчики, она никогда больше не вернулась.

И больше уже никто не пугал по ночам корольков, когда они спали на ветвях, прикрывая друг друга тёплыми крылышками.

РОСЯНКА – КОМАРИНАЯ СМЕРТЬ

Летел Комар над прудом и трубил:

– Я – Комарище!
Жигать мастерище.
Носом востёр,
Зол и хитёр.
Все меня боятся:
За всех умею взяться.

Зверя и птицы
Крови напиться.
Недруги ищут
Меня, Комаришу,
А я удал:
Жиг! – и умчал.

Никому меня, Комара, не словить!
Услыхала его Стрекоза и говорит:
– Не хвались, Комар, храбростью да ловкостью. В лесу дремучем на болоте топучем живёт
Росянка – Комариная Смерть. Изловит тебя, кровопийцу, Росянка.

– А вот не изловит! – говорит Комар.
Затрубил и полетел в лес.

Прилетел в лес дремучий – видит: сидит на сосне Копалуха. Перо у Копалухи плотное,
ноги жёсткие, нос костяной. Поди подступись к ней!

А Комар сел ей на бровь, где пёрышек нет, изловчился – жиг её в бровь!
Сорвалась Копалуха с сосны, заклохтала, загремела крыльями по лесу!
А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся, – летит, трубит:
– Не словила меня, Комара, Копалуха!

Летит по лесу дремучему, видит: в кустах Грибник пробирается, суковатым батожком
подпирается, картузом от мошки отбивается. На теле у Грибника рубаха, на ногах – штаны, а
внизу – сапоги. Поди подступись к нему!

Комар сел ему на нос, где на коже нет одёжи, изловчился – жиг его в нос!
Вскрикнул Грибник, замахал батожком, грибы выронил.
А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся – летит, трубит:
– Не словил меня, Комара, Грибник!

Летит по лесу дремучему, видит: из чащи Сохатый прёт, бородой трясёт, рогами дерева
задевает, ногами бурелом сокрушает. Всё тело Сохатого длинной шерстью поросло, а рога да
копыта костяные. Поди-ка к нему подступись!

А Комар подлетел, на веко ему, где шерсть, коротка, сел – жиг в глаз!
Взревел Сохатый, рогом дерево с корнем вырвал, копытами землю взрыл.
А Комар увернулся, в сторону метнулся, повыше поднялся – летит, трубит:
– Не словил меня, Комара, Сохатый!

Летел-летел, глядит – среди леса дремучего болото топучее. Никого на болоте нет, только
мох кругом, а во мху малая Травинка растёт.

Спустился Комар на болото, сел на Травинку.
Спрашивает Травинку:

– Уж не ты ли Росянка – Комариная Смерть?

Отвечает Травинка сладким голоском:

– Погляди, Комар, на мои цветочки.

Поглядел Комар на цветочки. Белые цветочки в зелёных колокольчиках. Солнце за тучку, – цветочки в колокольчики. Солнце из тучки, – и цветочки выглянут.

Говорит Комар Травинке:

– Хороши у тебя цветочки! А не видала ты Росянки – Комариной Смерти?

Говорит Травинка сладким-пресладким голоском:

– Погляди, Комар, на мой колосок.

Поглядел Комар на колосок.

Колосок прямой, зелёный, стройненький.

Говорит Комар Травинке:

– Ничего себе колосок. А не слыхала ты про Росянку – Комариную Смерть?

Говорит Травинка приторным голоском:

– Погляди, Комар, на мои листочки!

Поглядел Комар на листочки. Круглые листочки лежат на земле, по краям их частые булабочки, на булабочках медвяная роса капельками.

Как увидел Комар те капельки, – сразу пить захотел. Слетел на листок, опустил в каплю носок, стал росу медвяную пить.

Летела мимо Стрекоза, увидала Комара на листке и говорит:

– Попался Комар Росянке!

Хотел Комар крыльями взмахнуть, – крылья к листку пристали; хотел ногами шагнуть, – ноги увязли; хотел нос вытащить, – нос прилип!

Изогнулись гибкие булабочки, вонзились в комариное тело, прижали Комара к листку, – и выпила Росянка комариную кровь, как пил Комар кровь звериную, птичью и человечесю.

Тут Комару и смерть пришла.

А Росянка и по сей день на болоте живёт и других комаров к себе ждёт.

ХВОСТЫ

Прилетела Муха к Человеку и говорит:

– Ты хозяин над всеми зверями, ты всё можешь сделать. Сделай мне хвост.

– А зачем тебе хвост? – говорит Человек.

– А затем мне хвост, – говорит Муха, – зачем он у всех зверей, – для красоты.

– Я таких зверей не знаю, у которых хвост для красоты. А ты и без хвоста хорошо живёшь.

Рассердилась Муха и давай Человеку надоедать: то на сладкое блюдо сядет, то на нос ему перелетит, то у одного уха жужжит, то у другого. Надоела, сил нет! Человек ей и говорит:

– Ну ладно! Лети ты, Муха, в лес, на реку, в поле. Если найдёшь там зверя, птицу или гада, у которого хвост для красоты только привешен, можешь его хвост себе взять. Я разрешаю.

Обрадовалась Муха и вылетела в окошко.

Летит она садом и видит: по листу Слизняк ползёт. Подлетела Муха к Слизняку и кричит:

– Отдай мне твой хвост, Слизняк! Он у тебя для красоты.

– Что ты, что ты! – говорит Слизняк. – У меня и хвоста-то нет: это ведь брюхо моё. Я его сжимаю да разжимаю, – только так и ползаю. Я – брюхоног.

Муха видит – ошиблась, – и полетела дальше.

Прилетела к речке, а в речке Рыба и Рак – оба с хвостами. Муха к Рыбе:

– Отдай мне твой хвост! Он у тебя для красоты.

– Совсем не для красоты, – отвечает Рыба. – Хвост у меня – руль. Видишь: надо мне направо повернуть – я хвост вправо поворачиваю. Надо налево – я влево хвост кладу. Не могу я тебе свой хвост отдать.

Муха к Раку:

– Отдай мне твой хвост, Рак!

– Не могу отдать, – отвечает Рак. – Ножки у меня слабые, тонкие, я ими грести не могу. А хвост у меня широкий и сильный. Я как шлёпну хвостом по воде, так меня и подбросит. Шлёп, шлёп – и плыву, куда мне надо. Хвост у меня вместо весла.

Полетела Муха дальше. Прилетела в лес, видит: на суку Дятел сидит, Муха к нему:

– Отдай мне твой хвост, Дятел! Он у тебя для красоты только.

– Вот чудачка! – говорит Дятел. – А как же я деревья-то долбить буду, еду себе искать, гнёзда для детей устраивать?

– А ты носом, – говорит Муха.

– Носом-то носом, – отвечает Дятел, – да ведь и без хвоста не обойдёшься. Вот гляди, как я долблю.

Упёрся Дятел крепким, жёстким своим хвостом в кору, размахнулся всем телом да как стукнет носом по суку – только щепки полетели!

Муха видит: верно, на хвост Дятел садится, когда долбит, – нельзя ему без хвоста. Хвост ему подпоркой служит.

Полетела дальше.

Видит: Оленуха в кустах со своими оленятами. И у Оленухи хвостик – маленький, пушистый, беленький хвостик. Муха как жужжит:

– Отдай мне твой хвостик, Оленуха!

Оленуха испугалась.

– Что ты, что ты! – говорит. – Если я отдам тебе свой хвостик, так мои оленятки пропадут.

– Оленяткам-то зачем твой хвост? – удивилась Муха.

– А как же, – говорит Оленуха. – Вот погонится за нами Волк. Я в лес кинусь – спрятаться. И оленятки за мной. Только им меня не видно между деревьями. А я им белым хвостиком

машу, как платочком: «Сюда бегите, сюда!» Они видят – беленькое впереди мелькает, – бегут за мной. Так все и убежим от Волка.

Нечего делать, полетела Муха дальше.

Полетела дальше и увидела Лисицу. Эх, и хвост у Лисицы! Пышный да рыжий, красивый-красивый!

«Ну, – думает Муха, – уж этот-то хвост мой будет».

Подлетела к Лисице, кричит:

– Отдавай хвост!

– Что ты, Муха! – отвечает Лисица. – Да без хвоста я пропаду. Погонятся за мной собаки, живо меня, бесхвостую, поймают. А хвостом я их обману.

– Как же ты, – спрашивает Муха, – обманешь их хвостом?

– А как станут меня собаки настигать, я хвостом верть! – хвост вправо, сама влево. Собаки увидят, что хвост мой вправо метнулся, и кинутся вправо. Да пока разберут, что ошиблись, я уж далеко.

Видит Муха: у всех зверей хвост для дела, нет лишних хвостов ни в лесу, ни в реке. Нечего делать, полетела Муха домой. Сама думает:

«Пристану к Человеку, буду ему надоедать, пока он мне хвост не сделает».

Человек сидел у окошка, смотрел на двор.

Муха ему на нос села. Человек бац себя по носу! – а Муха уж ему на лоб пересела. Человек бац по лбу! – а Муха уж опять на носу.

– Отстань ты от меня, Муха! – взмолился Человек.

– Не отстану, – жужжит Муха. – Зачем надо мной посмеялся, свободных хвостов искать послал? Я у всех зверей спрашивала – у всех зверей хвост для дела.

Человек видит: не отвязаться ему от Мухи – вон какая надоедная!

Подумал и говорит:

– Муха, Муха, а вон Корова на дворе. Спроси у неё, зачем ей хвост.

– Ну ладно, – говорит Муха, – спрошу ещё у Коровы. А если и Корова не отдаст мне хвоста, сживу тебя, Человек, со свету.

Вылетела Муха в окошко, села Корове на спину и давай жужжать, выпрашивать:

– Корова, Корова, зачем тебе хвост? Корова, Корова, зачем тебе хвост?

Корова молчала, молчала, а потом как хлестнёт себя хвостом по спине – и пришлёпнула Муху.

Упала Муха на землю – дух вон, и ножки кверху.

А Человек и говорит из окошка:

– Так тебе, Муха, и надо – не приставай к людям, не приставай к зверям, надоеда.

РЫБИЙ ДОМ

На окне в моей комнате, в большой банке из-под варенья, живёт рыбка-колюшка, по прозвищу Остропёр. Я кормлю её мотылём и каждый день меняю в банке воду.

Дети приходят ко мне в гости и удивляются:

– Зачем ты держишь у себя эту простую рыбку? Купил бы лучше красивых золотых рыбок.

Тогда я рассказываю им, как жил Остропёр в другой, чудесной стране и как он попал ко мне.

Вот этот рассказ.

Была весна. Птицы вили гнёзда для своих птенцов. Пришла пора и Остропёру подумать о детях. Он и отправился разыскивать подходящее место для дома.

Ему было весело, и он на бегу подпрыгивал до самого неба. Он мог это делать потому, что страна, где он тогда жил, была действительно чудесная страна.

Она лежит меж двух крутых песчаных гор. Вместо воздуха там вода. Луга покрыты зелёным илом. В лесах растут длинные жёлтые водоросли. А небо той страны низкое, плоское, как потолок, и блестит серебром.

Что там над ним, – Остропёр не знал. Ему захотелось взглянуть туда хоть одним глазком. Он взял да и просунул в небо голову.

Там он увидел над собой другое небо – синее, далёкое. Увидел другие, высокие-высокие леса. А прямо перед собой Остропёр заметил птицу с большой головой и длинным острым клювом.

На ней был яркий наряд из мягких коричнево-изумрудных, голубых перьев. Она сидела на ветке и задумчиво смотрела вниз.

Это был рыбий разбойник – Зимородок.

Он сейчас же распустил крылья и стремглав понёсся прямо на Остропёра.

Остропёр вильнул хвостом и мигом очутился снова в своей стране. Зимородок тенью мелькнул над ним в серебряном небе – и пропал.

У Остропёра сразу прошла охота прыгать в небо. Он отправился дальше и скоро добрался до леса. В зарослях жёлтых водорослей он отыскал поляну – славное место для дома.

Остропёр сейчас же принялся за дело. Он забился с головой в мягкий ил и завертелся в нём волчком так быстро, что кусочки ила вихрем полетели во все стороны.

Получилась круглая ямка.

Остропёр выскочил из неё и... с размаху – бац носом прямо в живот другой колюшке!

Чужая колюшка тоже хотела строить себе дом на этой полянке. Теперь обе рыбки непременно должны были подраться: ведь спорить на словах они не умели.

Остропёр поставил торчком все свои пять колючек – три на спине, две на брюшке – и кинулся на врага.

Рыбки закружились над поляной.

Они старались задеть друг друга острыми, как иглы, колючками.

Наконец Остропёру удалось пырнуть чужую рыбку в бок. Рыбка – бежать. Остропёр – за ней и прогнал её далеко в лес.

Теперь он стал хозяином поляны и мог строить на ней дом.

Строил он одним ртом.

По всей поляне валялись брёвна: сломанные стебельки, корешки, травинки.

Но не всякое бревно годилось в постройку. Каждое Остропёр брал в рот и подкидывал кверху. Если брёвнышко было лёгкое, – его подхватывало течением, как ветром, и уносило в лес. Тяжёлое падало на землю.

В яму к себе Остропёр таскал только тяжёлые брёвна. Он накладывал их одно на другое и придавливал брюшком. Потом приносил во рту песок с горы и засыпал им брёвна. Чтобы стены вышли ещё прочней, он тёрся об них своими боками: всё тело его было покрыто липким клеем. А дырки между брёвнами он затыкал мхом.

Через три дня дом был готов. Это был очень прочный дом с круглой крышей и двумя дверями, как маленькая муфта.

Теперь Остропёру оставалось только залучить в дом хозяйку.

Но тут приключилась беда: с крутой горы на полянку поползла тоненькая струйка песку. Струйка становилась всё шире, песок полз всё дальше и дальше – прямо на Остропёров дом.

Остропёр перепугался.

Он никак не мог понять: отчего вдруг песок пополз с горы и когда, наконец, перестанет?

А дело было просто. В берегу, как раз над Остропёровым домом, Зимородок рыл себе нору. Он не умел вить гнёзда на деревьях, как другие птицы. Он рыл и рыл песок носом, пока не зарылся глубоко в берег.

Там он устроил маленькую комнату – детскую – и тогда перестал рыть.

Перестал и песок сыпаться вниз с горы. Он не дошёл до Остропёрова дома, и Остропёр успокоился.

Теперь он отправился на смотрины – выбирать себе жену.

Он был очень красив тогда в своём праздничном весеннем наряде. Каждая чешуйка на нём отливала серебром, спина была синяя, живот и щёки – ярко-красные, глаза – голубые.

Хороши весной и самки колюшки: все в серебристо-голубых нарядах из тонких чешуек. Они стайкой гуляли в тростниковой роще.

Остропёр выбрал самую толстую и привёл её к своему дому. Рыбка юркнула в дверь. Наружу торчал только её хвостик. Он дрожал и дрыгал: рыбка метала икру.

Вдруг она выскочила через другие двери и помчалась прочь. Теперь она была худая как щепка.

Остропёр заглянул в дом. Там на полу лежала целая груда икринок. Он полил их молоками.

Беглянку он не стал разыскивать; снова отправился в лес и привёл другую рыбку.

Но рыбки были все на один лад. Одна за другой они оставляли ему свою икру и удирали.

Скоро дом был набит доверху. Остропёр забил обе двери травой и стал сторожить икру.

Сторожить пришлось зорко. Здесь рыскали прожорливые чудовища: искали, где бы поживиться вкусной икоркой или маленькими рыбками.

Много раз на поляну заглядывали пучеглазые жуки-плавунцы. Над домом проносились, извиваясь, как змеи, их отвратительные хищные личинки.

Но всего больше боялся Остропёр, когда с шумом и плеском разрывалось плоское небо. Сверху просовывался длинный, острый, как ножницы, клюв и – раз! – хватал зазевавшуюся рыбку. Это охотился Зимородок: он уносил свою добычу на берег и там съедал её. А тонкие рыбки косточки он таскал к себе в нору и выстилал ими пол в спальне своих детей.

Остропёр то и дело поглядывал на небо. И как только показывалась тень быстрых крыльев, он живо скрывался в лесу. Там Зимородку было не поймать его.

Но и в лесу было беспокойно. Хищные рыбы прятались в водорослях, стояли за корягами, стерегли добычу из засады.

Раз Остропёр отправился в лес поискать себе на обед червяков. Вдруг из чащи на него выскочил большой окунь.

Остропёр успел прыгнуть в сторону, – и окунь пролетел мимо.

Когда он вернулся, маленький храбрец и не подумал бежать. Ему надо было защищать свой дом: окунь легко мог найти и съесть икру.

Хищник уже разинул рот, чтобы с налёта проглотить смелого малыша. Тогда Остропёр неожиданно бросился вперёд и вбок.

Одна из колючек царапнула окуня по щеке. Это был ловкий удар. Всё тело окуня покрыто толстой чешуёй. В такой броне ему не страшны колючки. Но глаза и щёки его не защищены.

Окунь испугался, что Остропёр выколет ему глаз, и отступил.

* * *

Дни шли за днями.

Как-то утром Остропёр открыл обе двери своего дома и стал проветривать помещение. Он проделывал это каждый день, чтобы икра не покрывалась плесенью.

Он встал около двери и быстро-быстро замахал своими крылышками-плавниками. Лёгкие волны побежали через весь дом. Вдруг икринки одна за другой начали лопаться. Из икринок выходили крошечные рыбки. Они были совсем прозрачные, точно из стекла. У каждой под брюшком висел большой желточный пузырь. Слабенькие рыбки качались на своих пузырях, словно привязанные к поплавкам. Это у них были узелки с провизией: новорождённые колюшата питаются желтком, пока не выучатся ловить червяков.

Настало для Остропёра самое трудное время. Надо было пасти шалунов-ребятишек. А их было так много: целая сотня!

Тут ещё на беду появилась в лесу громадная щука. Щука эта была самым сильным, самым прожорливым и самым хитрым чудовищем. Она хвостищем поднимала со дна муть, кругом неё становилось темно, и не было видно, где она прячется.

И вот раз целая стайка Остропёровых ребятшек, шая, удрала в лес. Остропёр живо загнал остальных колюшат в дом и кинулся за шалунами.

А щука уже заметила рыбёшек. Она разинула зубастую пасть и – хап! – проглотила разом полстайки колюшат. Хап! – и другая кучка исчезла в её широкой глотке.

Тут Остропёр сам кинулся в раскрытую пасть чудовища.

Но щука мигом запахла рот. Ей совсем не хотелось глотать Остропёра: его острые, твёрдые иглы насквозь продырявили бы ей кишки. Другое дело – молодые колюшата: иглы у них ещё мягкие, как у новорождённого ёжика.

Осталось у Остропёра ещё много ребят. С каждым днём их пропадало всё больше и больше; то щуке попадутся, то окуню, то жукам. Но хлопот не убавлялось: чем меньше становились узелки под брюшком у рыбёшек, тем трудней было отцу поспевать за ребятами. Они становились всё проворней.

Наконец, молодые колюшки съели всю свою провизию в узелках и научились таскать червяков из-под камешков. Иглы их выросли и стали твёрдыми. Теперь они не нуждались больше в заботах отца: сами могли находить себе пищу и защищаться от врагов.

Последняя стайка ребят скрылась в лесу, и вот Остропёр остался один на поляне.

Яркие краски на его теле давно потускнели, весь он стал серый, худой и невзрачный. Он так устал, что забыл даже глядеть на небо: не мелькает ли там тень быстрых крыльев.

Вот тут-то и схватил его рыбий разбойник – Зимородок.

Быстро просунулись из серебряного неба острые ножницы, ущемили Остропёра поперёк тела и потащили вверх – в пустоту.

Ещё раз увидел Остропёр другое, синее-синее небо, мелькнули у него перед глазами высокие зелёные деревья. Потом круглый рот его широко раскрылся. Остропёр стал задыхаться, задыхаться, задыхаться... и вдруг почувствовал, что летит вниз.

Острые колючки и тут сослужили ему верную службу: Зимородок больно наколот себе об них глотку и выпустил свою добычу.

Я проходил в это время по берегу речки и видел, как он выронил рыбку из клюва. Она упала на песок как раз у моих ног.

Я поднял израненного Остропёра, отнёс к себе домой и посадил в банку из-под варенья.

Теперь Остропёр выздоровел. Он не так красив, как золотые рыбки, но куда интереснее их.

Когда придёт весна, я пушу к нему серебристо-голубых самок. Он сейчас же снова примется строить себе дом. И уж тут, в стеклянной банке, все мои гости могут видеть, как ловко это делает простая рыбка-колюшка и сколько трудов ей стоит выходить смешных маленьких колюшат с большим пузырьком под брюшком.

АНЮТКИНА УТКА

От осенних дождей разлилась вода в запруде.
По вечерам прилетали дикие утки. Мельникова дочка Анютка любила слушать, как они плещутся и возятся в темноте.
Мельник часто уходил на охоту по вечерам.
Анютке было очень скучно сидеть одной в избе.
Она выходила на плотину, звала: «Уть, уть, уть!» – и бросала хлебные крошки в воду.
Только утки не плыли к ней. Они боялись Анютки и улетали с запруды, свистя крыльями.
Это огорчало Анютку.
«Не любят меня птицы, – думала она. – Не верят мне».
Сама Анютка очень любила птиц. Мельник не держал ни кур, ни уток. Анютке хотелось приручить хоть какую-нибудь дикую птицу.

* * *

Раз поздним осенним вечером мельник вернулся с охоты. Он поставил ружьё в угол и сбросил с плеч мешок.

Анютка кинулась разбирать дичь.

Большой мешок был набит стреляными утками разных пород. Анютка всех их умела различать по величине и блестящим зеркальцам на крыльях.

В мешке были крупные кряковые утки с фиолетово-синими зеркальцами. Были маленькие чирки-свистунки с зелёными зеркальцами и трескунки – с серыми.

Анютка одну за другой вынимала их из мешка, считала и раскладывала на лавке.

– Сколько насчитала? – спросил мельник, принимаясь за похлёбку.

– Четырнадцать, – сказала Анютка. – Да там будто ещё одна есть!

Анютка запустила руку в мешок и вытащила последнюю утку. Птица неожиданно вырвалась у неё из рук и быстро заковыляла под лавку, волоча разбитое крыло.

– Живая! – вскричала Анютка.

– Давай её сюда, – велел мельник. – Я ей живо шею сверну.

– Тятенька, отдай утку мне, – попросила Анютка.

– На что она тебе? – удивился мельник.

– А я её вылечу.

– Да это ж дикая! Она не станет жить у тебя.

Пристала Анютка: отдай да отдай, – и выпросила утку.

Стала кряква жить в запруде. Анютка привязала её за ногу к кусту. Хочет утка – в воде плавает, захочет – на берег выйдет. А больное крыло Анютка ей чистой тряпочкой перевязала.

Подошла зима.

По ночам воду стало затягивать ледком. Дикие утки больше не прилетали на запруды: улетели на юг.

Анюткина кряква стала тосковать и мёрзнуть под кустом.

Анютка взяла её в избу. Тряпочка, которой Анютка перевязала утке крыло, приросла к кости да так и осталась. И на левом крыле кряквы теперь было не синее с фиолетовым отливом зеркальце, а белая тряпочка. Так Анютка и назвала свою утку: Белое Зеркальце.

Белое Зеркальце больше не дичилась Анютки. Она позволяла девочке гладить её и брать на руки, шла на зов и брала еду прямо из рук. Анютка очень была довольна. Ей не было теперь скучно, когда отец уходил из дому.

* * *

Весной, как только растаял лёд на реке, прилетели дикие утки. Анютка опять привязала Белое Зеркальце на длинную верёвку и пустила в запруду. Белое Зеркальце верёвку стала щипать клювом, кричала и рвалась улететь с дикими утками.

Анютке стало жалко её. Но жалко было и расставаться с ней. Однако Анютка рассудила так: «Что ж силком её держать? Крыло у ней зажило, весна, она хочет детей выводить. А вспомнит меня, так вернётся».

И отпустила Белое Зеркальце на все четыре стороны. А отцу сказала:

– Ты, как будешь уток бить, зорко гляди, не мелькнёт ли на крыле белая тряпочка. Не застрели Белое Зеркальце!

Мельник только руками всплеснул:

– Ну, хозяйка! Сама своё хозяйство разоряет. А я думал: вот съезжу в город, селезня куплю, – Анюткина утка детей нам выведет.

Смутилась Анютка.

– Ты ничего мне про селезня не говорил. Да ведь, может, не поживётся Белому Зеркальцу на воле, так она ещё назад воротится.

– Дура ты, дура, Анютка! Где ж это видано, чтобы дикая птица назад в неволю ворочалась? Как волка ни корми, он всё в лес смотрит. Попадёт теперь твоя утка ястребу в когти – и поминай, как звали!

* * *

Тепло прибывало быстро. Река разлилась, затопила кусты на берегу. Полилась вода дальше, затопила лес.

Уткам плохо пришлось в тот год: пора нестись, а земля вся в воде – негде гнезда выстроить.

Зато Анютке весело: лодка есть – плыви, куда хочешь.

Поплыла Анютка в лес. Увидела в лесу старое дуплистое дерево.

Стукнула веслом по стволу, а из дупла кряковая утка – шашь! – и прямо на воду у самой лодки. Повернулась боком. Анютка глядит – и глазам не верит: на крыле белая тряпочка! Хоть грязная стала, а всё заметна.

– Уть, уть! – кричит Анютка. – Белое Зеркальце!

А утка от неё. Плещется в воде, словно подшибленная.

Анютка за ней на лодке. Гналась, гналась – уж из лесу выбралась. Тут Белое Зеркальце поднялась на крылья жива, здоровёшенька – и назад в лес.

«Хитришь ты! – думает Анютка. – Да меня не проведёшь: ведь это ты от гнезда меня отводишь!»

Вернулась назад, разыскала старое дерево.

Заглянула в дупло, – а там, на доньшке, двенадцать продолговатых яиц зеленоватого цвета.

«Ишь хитрая! – думает Анютка. – Ведь вот где догадалась гнездо устроить, чтобы водой не достало!»

Вернулась Анютка домой, отцу рассказала, что Белое Зеркальце в лесу видела, а про дупло – молчок. Побоялась, как бы мельник гнезда не разорил.

Скоро вода спала.

Анютка заметила, что Белое Зеркальце в полдень летает на реку кормиться. Тепло в этот час, и яйца в гнезде не стынут.

Чтобы не пугать даром птицу в гнезде, Анютка забежала прежде на реку. Знала уж, где в камышах любила кормиться Белое Зеркальце. Уверится, что здесь утка, и бежит в лес глядеть, – не вывелись ли в дупле утята?

Раз Анютка только высмотрела на воде Белое Зеркальце, – вдруг мчится по воздуху большой серый ястреб – и прямо на утку.

Вскрикнула Анютка, да уж поздно: ястреб впился когтями в спину Белому Зеркальцу.

«Пропала моя уточка!» – думает Анютка.

А Белое Зеркальце нырк под воду и ястреба за собой потащила.

Ястреб окунулся с головой. Видит – дело плохо: не совладать ему под водой с уткой. Разжал когти и улетел.

Анютка так и ахнула:

– Ну, умница! Что за умница! Из ястребиных когтей вырвалась!

* * *

Ещё прошло несколько дней.

Прибежала Анютка на реку, – нет Белого Зеркальца!

Спряталась в кусты, набралась терпенья, – ждёт.

Наконец летит утка из лесу; в лапах у неё жёлтенький комок.

Спустилась на воду.

Глядит Анютка: рядом с Белым Зеркальцем пушистый жёлтенький утёнок плавает.

«Вывелись утятки!» – обрадовалась Анютка. – Теперь Белое Зеркальце всех из дупла на речку перетаскает».

Так и есть: утка поднялась и полетела в лес за другим птенцом.

Анютка всё сидит под кустом, – ждёт, что дальше будет.

Вылетела из лесу ворона. Летит, по сторонам поглядывает, – где бы чего на обед промыслить?

Заметила у берега утёнка – стрелой к нему. Раз, раз! – клювом по голове, убила, разорвала на куски и съела.

Анютка остолбенела – и крикнуть не догадается. Ворона опять в лес – и спряталась на дереве.

А Белое Зеркальце летит уж со вторым утёнком.

Спустила его на реку, ищет первого, кричит – зовёт. Нет нигде!

Плавала, плавала, все камыши обшарила, – нашла только пух. Поднялась на крылья и помчалась в лес.

«Ах, глупая!» – думает Анютка. – Опять ведь ворона прилетит, твоего утёнка разорвёт».

Не успела подумать, глядит: утка круг дала, подлетела из-за кустов назад к реке, шмыгнула в камыш – и спряталась там.

Через минуту летит ворона из лесу – и прямо к утёнку.

Тюк носом! – и давай рвать.

Тут Белое Зеркальце выскочила из камыша, коршуном налетела на ворону, схватила за горло и тащит под воду.

Закружились, заплескали птицы крыльями по воде – только брызги летят во все стороны!

Анютка выскочила из-под куста, глядь: Белое Зеркальце в лес улетает, а ворона мёртвая на воде лежит.

Долго не уходила Анютка с реки в тот день. Видела, как Белое Зеркальце остальных десять утят в камыш перетаскала.

Успокоилась Анютка:

«Теперь, – думает, – не боюсь я за Белое Зеркальце: она и за себя постоять умеет, и детей своих в обиду не даст».

* * *

Пришёл август месяц.

С утра на реке палили охотники: начиналась охота на уток. Весь день Анютка не находила себе места: «А ну, как убьют охотники Белое Зеркальце?»

С темнотой палить перестали.

Анютка забралась на сеновал спать.

Только заснула, вдруг голоса на дворе.

– Кто тут? – мельник кричит из избы.

– Охотники! – отвечают.

– Чего вам?

– Пусти на сеновале переночевать!

– Ночуйте, пожалуй. Да смотрите, как бы огня не заронить в сено!

– Не бойсь! Некурящие.

Заскрипели двери сарая, и охотники полезли на сено.

Анютка забилась в угол, сама слушает.

– Здорово набили! – говорит один охотник. – У тебя сколько?

– Шесть штук, – отвечает другой. – Всё шлепунцы.

– У меня восемь. Одну было матку чуть не стукнул. Собака нашла выводку. Матка поднялась, гляжу: что-то будто белое у неё на крыле, вроде бы – тряпочка. Рот разинул, да и прозевал. Двух молодых собака задавила с этой выводки. Аида утром опять на то место: матку убьём – шлепунцы все наши будут!

– Ладно, пойдём.

Лежит Анютка в сене ни жива ни мертва. Думает:

«Так и есть! Нашли охотники Белое Зеркальце с утятами. Как быть?»

Решила Анютка ночь не спать, а чуть свет бежать на реку, – не дать охотникам Белое Зеркальце убить.

Полночи ворочалась, сон от себя гнала.

А под утро сама не заметила, как заснула.

Просыпается, а уж на реке палят.

– Нет больше моего Белого Зеркальца! Убили тебя охотники!

Идёт к реке, ничего перед собой не видит: слёзы свет застилают. Дошла до плотины, думает:

«Вот тут моя уточка плавала. И зачем я её отпустила?!»

Глянула на воду, – а по воде Белое Зеркальце плывёт и восемь утят за собой ведёт.

Анютка: «Уть, уть, уть!»

А Белое Зеркальце: «Ваак! Ваак!» – и прямо к ней.

Палят на реке охотники. А утка с утятами у самой мельницы плавает. Анютка хлеб крошит, в воду им бросает.

Так и осталась Белое Зеркальце жить у Анютки в запруде. Поняла, видно, что Анютка в обиду её не даст.

Потом птенцы подросли, летать выучились, разбрелись по всей речке.

Тогда и Белое Зеркальце с запруды улетела.

А на следующий год, только вывела жёлтеньких утят, сейчас привела их в запруду – и к Анютке.

Теперь уж все охотники кругом Белое Зеркальце знают, не трогают её и зовут Анюткиной уткой.

СНЕЖНАЯ КНИГА

Набродили, наследили звери на снегу. Не сразу поймёшь, что тут было.

Налево под кустом начинается заячий след. От задних лап следок вытянутый, длинный; от передних – круглый, маленький. Пошёл заячий след по полю. По одну сторону его – другой след, побольше; в снегу от когтей дырки – лисий след. А по другую сторону заячьего следа ещё след: тоже лисий, только назад ведёт.

Заячий дал круг по полю; лисий – тоже. Заячий в сторону – лисий за ним. Оба следа кончаются посреди поля.

А вот в стороне – опять заячий след. Пропадает, дальше идёт...

Идёт, идёт, идёт – и вдруг оборвался – как под землю ушёл!

А где пропал, там снег примят, и по сторонам будто кто пальцами мазнул.

Куда лиса делась?

Куда заяц пропал?

Разберём по складам.

Стоит куст. С него кора содрана. Под кустом натоптано, наслежено. Следы заячьи. Тут заяц жировал: с куста кору глодал. Встанет на задние лапы, отдерёт зубами кусок, сжует, переступит лапками, рядом ещё кусок сдерёт. Наелся и спать захотел.

Пошёл искать, где бы спрятаться.

А вот – лисий след, рядом с заячьим. Было так: ушёл заяц спать. Час проходит, другой. Идёт полем лиса. Глядь, заячий след на снегу! Лиса нос к земле.

Принюхалась – след свежий!

Побежала по следу.

Лиса хитра, и заяц не прост: умел свой след запутать. Скакал, скакал по полю, завернул, выкружил большую петлю, свой же след пересёк – и в сторону.

След пока ещё ровный, неторопливый: спокойно шёл заяц, беды за собой не чуял.

Лиса бежала, бежала – видит: поперёк следа свежий след. Не догадалась, что заяц петлю сделал.

Свернул вбок – по свежему следу; бежит, бежит – и стала: оборвался след! Куда теперь?

А дело простое: это новая заячья хитрость – двойка.

Заяц сделал петлю, пересёк свой след, прошёл немного вперёд, а потом обернулся – и назад по своему следу.

Аккуратно шёл – лапка в лапку.

Лиса постояла, постояла – и назад.

Опять к перекрёстку подошла.

Всю петлю выследила.

Идёт, идёт, видит – обманул её заяц: никуда след не ведёт!

Фыркнула она и ушла в лес по своим делам.

А было вот как: заяц двойку сделал – прошёл назад по своему следу.

До петли не дошёл – и махнул через сугроб – в сторону.

Через куст перескочил и залёг под кучу хвороста.

Тут и лежал, пока лиса его по следу искала.

А когда лиса ушла, – как прыснет из-под хвороста – и в чащу!

Прыжки широкие – лапки к лапкам: гонный след.

Мчит без оглядки. Пень по дороге. Заяц мимо. А на пне.

А на пне сидел большой филин.

Увидал зайца, снялся, так за ним и стелет. Настиг и цап в спину всеми когтями!

Ткнулся заяц в снег, а филин насел, крыльями по снегу бьёт, от земли отрывает.

Где заяц упал, там снег примят. Где филин крыльями хлопал, – там знаки на снегу от перьев, будто от пальцев.

Улетел заяц в лес. Оттого и следа дальше нет.

СОВА

Сидит Старик, чай пьёт. Не пустой пьёт – молоком белит. Летит мимо Сова.

– Здрóво, – говорит, – друг!

А Старик ей:

– Ты, Сова, – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком. Ты от солнца хоронишься, людей сторонисься, – какой я тебе друг!

Рассердилась Сова.

– Ладно же, – говорит, – старый! Не стану по ночам к тебе на луг летать, мышей ловить, – сам лови.

А Старик:

– Вишь, чем пугать вздумала! Утекай, пока цела.

Улетела Сова, забралась в дуб, никуда из дупла не летит.

Ночь пришла. На стариковом лугу мыши в норах свистят-перекликаются:

– Погляди-ка, кума, не летит ли Сова – отчаянная голова, уши торчком, нос крючком?

Мышь Мыши в ответ:

– Не видать Совы, не слышать Совы. Нынче нам на лугу раздолье, нынче нам на лугу приволье.

Мыши из нор поскакали, мыши по лугу побежали.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы худо не вышло: мыши-то, говорят, на охоту пошли.

– А пускай идут, – говорит Старик. – Чай, мыши не волки, не зарежут тёлки.

Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут, землю роют, шмелей ловят.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: все шмели твои разлетелись.

– А пускай летят, – говорит Старик. – Что от них толку: ни мёду, ни воску, – волдыри только.

Стоит на лугу клевер кормовистый, головой к земле виснет, а шмели гудят, с луга прочь летят, на клевер не глядят, цветень с цветка на цветок не носят.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Гляди, как бы хуже не вышло: не пришлось бы тебе самому цветень с цветка на цветок разносить.

– И ветер разнесёт, – говорит Старик, а сам в затылке скребёт.

По лугу ветер гуляет, цветень наземь сыплет. Не попадает цветень с цветка на цветок, – не родится клевер на лугу; не по нраву это Старiku.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Корова твоя мычит, клеверу просит, – трава, слышь, без клеверу, что каша без масла.

Молчит Старик, ничего не говорит.

Была Корова с клевера здорова, стала Корова тощать, стала молока сбавлять; пойло лижет, а молоко всё жиже да жиже.

А Сова из дупла:

– Хо-хо-хо, Старик! Говорила я тебе: придёшь ко мне кланяться.

Старик бранится, а дело-то не клеится. Сова в дубу сидит, мышей не ловит. Мыши по лугу рыщут, шмелиные гнёзда ищут. Шмели на чужих лугах гуляют, а на стариков луг и не заглядывают. Клевер на лугу не родится. Корова без клеверу тощает. Молока у Коровы мало. Вот и чай белить Старiku нечем стало.

Нечем стало Старiku чай белить – пошёл Старик Сове кланяться:

– Уж ты, Совушка-вдовушка, меня из беды выручай: нечем стало мне, старому, белить чай.

А Сова из дупла глазищами луп-луп, ножищами туп-туп.

– То-то, – говорит, – старый. Дружно не грузно, а врозь хоть брось. Думаешь, мне-то легко без твоих мышей?

Простила Сова Старика, вылезла из дупла, полетела на луг мышей пугать.

Сова полетела мышей ловить.

Мыши со страху попрятались в норы.

Шмели загудели над лугом, принялись с цветка на цветок летать.

Клевер красный стал на лугу наливаясь.

Корова пошла на луг клевер жевать.

Молока у Коровы много.

Стал Старик молоком чай белить, чай белить – Сову хвалить, к себе в гости звать, уваживать.

МАЛ, ДА УДАЛ

Шёл Генька по болоту. Глядь, из камыша нос торчит.

Цоп за нос – и вытащил птицу: шея долгая, нос долгий, ноги длинные, – совсем бы цапля, да ростом с галку.

«Птенчик!» – думает. Сунул за пазуху и бегом домой.

Дома пустил цаплю на пол, сам спать завалился.

«Завтра, – думает, – накормлю».

Утром спустил ноги с кровати, стал штаны натягивать. А цапля увидала палец, думает – лягушка. Да тюк носом!

– Ой-ой! – кричит Генька. – Ты драться! Жучка, Жучка, сюда!

Жучка на цаплю, цапля на Жучку. Носом, как ножницами, стрижёт да колет, стрижёт да колет – только шерсть летит.

Жучка хвост поджала и драла. Цапля за ней на прямых ногах, как на спицах, так и чешет, так и чешет, – прочь с дороги, берегись!

Генька за цаплей. Да куда там: цапля крыльями хлоп-хлоп – и через забор.

Разинул Генька рот:

– Вот так птенчик! Мал, да удал...

А цапля-то взрослая была, только породы такой малорослой. Прилетела к себе на болото, – там у ней птенцы в гнезде давно проголодались, рты разевают, лягушат просят.

НЕБЕСНЫЙ СЛОН

Товарищей у Андрейки нет. Отец в море ушёл, в плаванье. Матери некогда всегда: одна с Андрейкой живёт в домике на берегу залива. Кругом вода, да песок, да кусты.

Скучно Андрейке.

Говорила мать: живут на том берегу залива зелёные лягушата. Прыгают с кочки на кочку, в воду шлёпают, кувыркаются. Андрейка и пристал: достань да достань ему лягушат!

Вот и сегодня: поиграл под деревом, надоело, – и опять за своё:

– Лягушонков хочу!

– Ишь какой липкий! – говорит мать. – Подожди, вот печка истопится, – поеду, привезу тебе товарищей.

И верно: скоро управилась, вышла на крыльцо. На небо глянула: дождя бы не случилось! Напугается мальчонка...

Нет, какой дождь! Солнце. Зной. Небо синее-синее, белые облака высоко стоят. Одно только облачко как будто потемней за тем берегом. Маленькое, – далеко очень.

«Ветра нет, – думает мать. – Не скоро нанесёт. До того берега рукой подать. Живо назад вернись».

Взяла вёсла, ключичинами звонко брякнула.

Говорит Андрейке:

– Сиди тут, никуда не бегай! Увижу, что убежал, всех лягушат в воду выброшу.

Сама калитку заперла: никуда мальчик из ограды не денется. Лодку столкнула, взмахнула вёслами – птицей понеслась лодка по гладкому заливу.

Молодая у Андрейки мать, ловкая.

Остался Андрейка один дома. Сидел на крылечке, смотрел, как убегает чёрная лодка по голубой воде.

Скоро стала лодочка с гуся, потом с утку.

Скучно сидеть так, ждать.

Андрейка облака стал разглядывать.

Разные облака на небе: одно – как булка, другое – как корабль. Корабль вытянулся – и стало полотенце.

Мелкие облачка, как стая чаек на голубом заливе. А внизу, над тем берегом – тёмное облачко. Совсем как маленький слон в книжке с картинками: и хобот и хвост.

Смешной слоник: всё выше карабкается, растёт на глазах...

Высокий лес на берегу закрыл от матери тёмное облачко. Лодка врезалась носом в тину.

В берег хлынула лёгкая волна.

Мать выскочила, втащила лодку на берег. Взяла жестянку для лягушат и пошла в лес.

А в лесу – болото. Лягушата сидят по кочкам. Забавные, маленькие. Верно, вчера ещё плавали головастиками: у каждого сзади куцый хвостик.

«Плюх! плюх! Шлёп, шлёп, шлёп!» – все в воду. Поди-ка поймай их!

Забыла мать про тёмное облачко. Прыгает с кочки на кочку, гоняется за лягушатами. Одного поймает, в жестянку посадит – и за другим.

Не заметила, как стало кругом совсем тихо. Над заливом ласточки пролетели низко-низко – и пропали. В лесу перестали петь птицы. Набежала сырая, холодная тень.

И когда мать подняла голову, над ней уже низко нависло чёрное небо...

Андрейка видел, как маленький небесный слон вырос в большого слона.

Большой слон выпустил хобот, покрутил им – и опять втянул в себя.

Потом откуда-то взялись у него три тоненьких хобота.

Они вились, вились – и вдруг слились в один толстый, длинный хоботище.

Хоботище начал расти вниз. Вытягивался, вытягивался и достал до земли.

Тогда слон пошёл. Жутко задвигались его толстые чёрные ноги. Земля загудела под ними.

Громадный небесный слон шёл через залив прямо к Андрейке...

Мать увидела, как из чёрного неба между ней и заливом опустился круглый столб. Навстречу ему из болота вырос такой же столб.

Вихрь подхватил его и ввинтил в тучу.

Туча с рёвом и грохотом понеслась по небу.

Мать вскрикнула и бросилась к лодке. Вихрь сшиб её с ног, прижал к земле и держал крепко.

Вскочить не могла: воздух стал упругий и твёрдый, как толстая резина.

Мать поползла, цепляясь руками за кочки. В спину ей больно ударило жестянкой, в которую она собирала лягушат. Ещё увидела, как с земли стремительно понеслись в небо какие-то тёмные точки. Потом ливень стеной стал перед глазами. Весь воздух загрохотал, и стало темно, как в погребе.

Зажав глаза, ползла наугад: в темноте сразу потеряла, где лодка, где залив, где Андрейка. И когда разом перестала слышать грохот, успела только подумать: «Оглушило!» – и открыла глаза.

Светло. Дождь перестал.

Чёрная туча быстро уносилась к тому берегу.

Лодка лежала вверх дном.

Мать побежала, перевернула её, столкнула в волны и со всей силы налегла на вёсла...

Громадный небесный слон ревел и шагал прямо на Андрейку. Он вырос в большую гору, закрыл полнеба, проглотил солнце. Уже не видно было ни ног ни хвоста – крутился один только толстый хобот.

Рёв приближался. Чёрная тень побежала по песку.

Вдруг сухой песок под крыльцом закружился столбушкой и больно, как булавочками, заколол Андрейке лицо.

Андрейка вскочил на ноги:

– Мама!..

В тот же миг вихрь подхватил его, поднял высоко над крыльцом, закружил и помчал по воздуху.

Хлынул ливень – и с ним на землю посыпались комья болотной тины, рыбы, лягушки.

Мать со всей силы налегла на вёсла. Лодка прыгала на водяных ухабах.

Наконец – берег!

Страшно было глядеть: с дома сорвало крышу, ставни, двери. Лежал поваленный забор. Дерево переломилось пополам, висело вершиной к земле.

Мать бежала к дому, громко кричала Андрейку. На взбудораженном песке мешались под ногами комья тины, дохлые рыбы, сучья.

Никто не отвечал ей.

Мать вбежала в дом. Андрейки нет.

Выбежала в сад – и в саду нет.

А ветер стих, и в голубом небе опять сияло солнце.

Только вдали, чуть грохоча, уносилась маленькая чёрная туча.

– Унесло моего Андрейку! – крикнула мать и бегом пустилась за тучей.

За домом – песок. Дальше – кусты. Они цепляются за платье, мешают бежать.

Мать выбивалась из сил, всё тише подвигалась вперёд. И вдруг совсем остановилась: перед ней на кусте висел клочок Андрейкиной рубашки.

Рванулась вперёд. Вскрикнула, всплеснула руками: худое тельце Андрейки, исцарапанное и голое, лежало на земле под кустом.

Мать схватила его на руки, прижала к груди. Андрейка открыл глаза и громко заплакал.

– Слон, – всхлипывая, спросил Андрейка, – убежал?

– Убежал, убежал! – утешала мать, торопливо шагая с ним к дому.

Сквозь слёзы Андрейка увидел сломанное дерево, поваленный забор, дом без крыши.

Всё кругом было разрушено, разломано, разбито. Только у самых ног прыгал по песку маленький зелёный лягушонок.

– Смотри, сынок, лягушонок! Да смешной какой: с хвостиком! Это его ветром принесло к тебе с того берега.

Андрейка поглядел, протёр ручонками глаза.

Мать спустила его на землю перед испуганным лягушонком.

Андрейка всхлипнул в последний раз и важно сказал:

– Здастуй, товаищ!

МЫШОНОК ПИК

Как мышонок попал в мореплаватели

Ребята пускали по реке кораблики. Брат вырезал их ножиком из толстых кусков сосновой коры. Сестрёнка прилаживала паруса из тряпочек.

На самый большой кораблик понадобилась длинная мачта.

– Надо из прямого сучка, – сказал брат, взял ножик и пошёл в кусты.

Вдруг он закричал оттуда:

– Мыши, мыши!

Сестрёнка бросилась к нему.

– Рубнул сучок, – рассказывал брат, – а они как порскнут! Целая куча! Одна вон сюда, под корень. Погоди, я её сейчас...

Он перерубил ножиком корень и вытащил крошечного мышонка,

– Да какой же он малюсенький! – удивилась сестрёнка. – И желторотый! Разве такие бывают?

– Это дикий мышонок, – объяснил брат, – полевой. У каждой породы своё имя, только я не знаю, как этого зовут.

Тут мышонок открыл розовый ротик и пискнул.

– Пик! Он говорит, его зовут Пик! – засмеялась сестрёнка. – Смотри, как он дрожит! Ай! Да у него ушко в крови. Это ты его ножиком ранил, когда доставал. Ему больно.

– Всё равно убью его, – сердито сказал брат. – Я их всех убиваю: зачем они у нас хлеб воруют?

– Пусти его, – взмолилась сестрёнка, – он же маленький!

Но мальчик не хотел слушать.

– В речку заброшу, – сказал он и пошёл к берегу.

Девочка вдруг догадалась, как спасти мышонка.

– Стой! – закричала она брату. – Знаешь что? Посадим его в наш самый большой кораблик, и пускай он будет за пассажира!

На это брат согласился: всё равно мышонок потонет в реке. А с живым пассажиром кораблик пустить интересно.

Наладили парус, посадили мышонка в долблёное судёнышко и пустили по течению. Ветер подхватил кораблик и погнал его от берега. Мышонок крепко вцепился в сухую кору и не шевелился.

Ребята махали ему руками с берега.

В это время их кликнули домой. Они ещё видели, как лёгкий кораблик на всех парусах исчез за поворотом реки.

– Бедный маленький Пик! – говорила девочка, когда они возвращались домой. – Кораблик, наверно, опрокинет ветром, и Пик утонет.

Мальчик молчал. Он думал, как бы ему известить всех мышей у них в чулане.

Кораблекрушение

А мышонка несло да несло на лёгком сосновом кораблике. Ветер гнал судёнышко всё дальше от берега. Кругом плескались высокие волны. Река была широкая – целое море для крошечного Пика.

Пику было всего две недели от роду. Он не умел ни пищи себе разыскивать, ни прятаться от врагов. В тот день мышка-мать первый раз вывела своих мышат из гнезда – погулять. Она как раз кормила их своим молоком, когда мальчик испугнул всё мышиное семейство.

Пик был ещё сосунком. Ребята сыграли с ним злую шутку. Лучше б они разом убили его, чем пускать одного, маленького и беззащитного, в такое опасное путешествие.

Вес мир был против него. Ветер дул, точно хотел опрокинуть судёнышко, волны кидали кораблик, как будто хотели утопить его в темной своей глубине. Звери, птицы, гады, рыбы – все были против него. Каждый не прочь был поживиться глупым, беззащитным мышонком.

Первые заметили Пика большие белые чайки. Они подлетели и закружились над корабликом. Они кричали от досады, что не могут разом прикончить мышонка: боялись с лёту разбить себе клюв о твёрдую кору. Некоторые опустились на воду и вплавь догоняли кораблик.

А со дна реки поднялась щука и тоже поплыла за корабликом. Она ждала, когда чайки скинут мышонка в воду. Тогда ему не миновать её страшных зубов.

Пик слышал хищные крики чаек. Он зажмурил глаза и ждал смерти.

В это время сзади подлетела крупная хищная птица – рыболов-скопа. Чайки бросились врассыпную.

Рыболов увидел мышонка на кораблике и под ним щуку в воде. Он сложил крылья и ринулся вниз.

Он упал в реку совсем рядом с корабликом. Концом крыла он задел парус, и судёнышко перевернулось.

Когда рыболов тяжело поднялся из воды со щукой в когтях, на перевернутом кораблике никого не было. Чайки увидели это издали и улетели прочь; они думали, что мышенок утонул.

Пик не учился плавать. Но когда он попал в воду, оказалось, что надо было только работать лапками, чтобы не утонуть. Он вынырнул и ухватился зубами за кораблик.

Его понесло вместе с перевернувшимся судёнышком.

Скоро судёнышко прибило волнами к незнакомому берегу.

Пик выскочил на песок и кинулся в кусты.

Это было настоящее кораблекрушение, и маленький пассажир мог считать себя счастливым, что спасся.

Страшная ночь

Пик вымок до последней шерстинки. Пришлось вылизать всего себя язычком. После этого шёрстка скоро высохла, и он согрелся. Ему хотелось есть. Но выйти из-под куста он боялся: с реки доносились резкие крики чаек.

Так он и просидел голодный целый день.

Наконец стало темнеть. Птицы уgomонились. Только звонкие волны разбивались о близкий берег.

Пик осторожно вылез из-под куста.

Огляделся – никого. Тогда он тёмным клубочком быстро покатился в траву.

Тут он принялся сосать все листья и стебли, какие попадались ему на глаза. Но молока в них не было.

С досады он стал теревить и рвать их зубами.

Вдруг из одного стебля брызнул ему в рот тёплый сок. Сок был сладкий, как молоко мыши-матери.

Пик съел этот стебель и стал искать другие такие же. Он был голоден и совсем не видел, что творится вокруг него.

А над макушками высоких трав уже всходила полная луна. Быстрые тени бесшумно проносились в воздухе: это гонялись за ночными бабочками вёртки летучие мыши.

Тихие шорохи и шелесты слышались со всех сторон в траве. Кто-то копошился там, шмыгал в кустах, прятался в кочках.

Пик ел. Он перегрызал стебли у самой земли. Стебель падал, и на мышонка летел дождь холодной росы. Зато на конце стебля Пик находил вкусный колосок. Мышонок усаживался, поднимал стебель передними лапками, как руками, и быстро съедал колосок.

Плюх-шлёп! – ударились что-то о землю недалеко от мышонка.

Пик перестал грызть, прислушался.

В траве шуршало.

Плюх-шлёп!

Кто-то скакал по траве прямо на мышонка.

Надо скорей назад, в кусты!

Плюх-шлёп! – скакнуло сзади.

Плюх-шлёп! Плюх-шлёп! – раздалось со всех сторон.

Плюх! – раздалось совсем близко впереди.

Чьи-то длинные, вытянутые ноги мелькнули над травой, и – шлёп! – перед самым носом Пика шлёпнулся на землю пучеглазый маленький лягушонок.

Он испуганно уставился на мышонка. Мышонок с удивлением и страхом рассматривал его голую скользкую кожу...

Так они сидели друг перед другом, и ни тот, ни другой не знали, что дальше делать.

А кругом по-прежнему слышалось – плюх-шлёп! плюх-шлёп! – точно целое стадо перепуганных лягушат, спасаясь от кого-то, скакало по траве.

И всё ближе и ближе слышалось лёгкое быстрое шуршанье.

И вот на один миг мышонок увидел: позади лягушонка взметнулось длинное гибкое тело серебристо-чёрной змеи.

Змея скользнула вниз, и длинные задние ноги лягушонка дрыгнули в её разинутой пасти.

Что дальше было, Пик не видел. Он опрометью кинулся прочь и сам не заметил, как очутился на ветке куста, высоко над землёй.

Тут он и провёл остаток ночи, благо брюшко у него было туго набито травой.

А кругом до рассвета слышались шорохи и шелесты.

Хвост-цеплялка и шёрстка-невидимка

Голодная смерть больше не грозит Пик: он уже научился находить себе пищу. Но как ему одному было спастись от всех врагов?

Мыши всегда живут большими стаями: так легче защищаться от нападения. Кто-нибудь да заметит приближающегося врага, свистнет, и все спрячутся.

А Пик был один. Ему надо было скорей отыскать других мышей и пристать к ним. И Пик отправился на розыски. Где только мог, он старался пробираться кустами. В этом месте было много змей, и он боялся спускаться к ним на землю.

Лазать он научился отлично. Особенно помогал ему хвост. Хвост у него был длинный, гибкий и цепкий. С такой цеплялкой он мог лазать по тоненьким веточкам не хуже мартышки.

С ветки на ветку, с сучка на сучок, с куста на куст – так пробирался Пик три ночи подряд.

Наконец кусты кончились. Дальше был луг.

Мышей в кустах Пик не встретил. Пришлось бежать дальше травой.

Луг был сухой. Змеи не попадались. Мышонок расхрабрился, стал путешествовать и при солнце. Ел он теперь всё, что ему попадалось: зёрна и клубни разных растений, жуков, гусениц, червей. А скоро научился и новому способу прятаться от врагов.

Случилось это так: Пик раскопал в земле личинки каких-то жуков, уселся на задние лапки и стал закусывать.

Ярко светило солнце. В траве стрекотали кузнечики.

Пик видел вдали над лугом маленького сокола-трясучку, но не боялся его. Трясучка – птица величиной с голубя, только потоньше, – неподвижно висела в пустом воздухе, точно подвешенная на верёвочке. Только крылья у неё чуть-чуть тряслись да голову она поворачивала из стороны в сторону.

Он и не знал, какие зоркие глаза у трясучки.

Грудка у Пика была белая. Когда он сидел, её далеко было видно на бурой земле.

Пик понял опасность, только когда трясучка разом ринулась с места и стрелой понеслась к нему.

Бежать было поздно. У мышонка от страха отнялись ноги. Он прижался грудью к земле и замер.

Трясучка долетела до него и вдруг опять повисла в воздухе, чуть заметно трепеща острыми крыльями. Она никак не могла взять в толк, куда исчез мышонок. Сейчас только она видела его ярко-белую грудку, и вдруг он пропал. Она зорко всматривалась в то место, где он сидел, но видела только бурые комья земли.

А Пик лежал тут, у неё на глазах.

На спинке-то шёрстка у него была жёлто-бурая, точь-в-точь под цвет земли, и сверху его никак нельзя было разглядеть.

Тут выскочил из травы зелёный кузнечик.

Трясучка кинулась вниз, подхватила его на лету и умчалась прочь.

Шёрстка-невидимка спасла Пика жизнь.

С тех пор, как замечал он издали врага, сейчас же прижимался к земле и лежал не шевелясь. И шёрстка-невидимка делала своё дело: обманывала самые зоркие глаза.

«Соловей-разбойник»

День за днём Пик бежал по лугу, но нигде не находил никаких следов мышей.

Наконец опять начались кусты, а за ними Пик слышал знакомый плеск речных волн.

Пришлось мышонку повернуть и направиться в другую сторону. Он бежал всю ночь, а к утру забрался под большой куст и лёг спать.

Его разбудила громкая песня. Пик выглянул из-под корней и увидел у себя над головой красивую птичку с розовой грудью, серой головкой и красно-коричневой спинкой. Мышонку очень понравилась её весёлая песня. Ему захотелось послушать певичку поближе. Он полез к ней по кусту.

Певчие птицы никогда не трогали Пика, и он их не боялся. А эта певичка и ростом-то была немного крупнее воробья.

Не знал глупый мышонок, что это был сорокопут-жулан и что он хоть и певчая птица, а промышляет разбоем.

Пик и опомниться не успел, как жулан накинудся на него и больно ударил крючковатым клювом в спину.

От сильного удара Пик кубарем полетел с ветки.

Он упал в мягкую траву и не расшибся. Не успел жулан опять накинудся на него, как мышонок уже шмыгнул под корни. Тогда хитрый «соловей-разбойник» уселся на куст и стал ждать, не выглянет ли Пик из-под корней.

Он пел очень красивые песенки, но мышонку было не до них. С того места, где сидел теперь Пик, ему был хорошо виден куст, на котором сидел жулан.

Ветки этого куста были усажены длинными острыми колючками. На колючках, как на пиках, торчали мёртвые, наполовину съеденные птенчики, ящерики, лягушата, жуки и кузнечики. Тут была воздушная кладовая разбойника.

Сидеть бы на колючке и мышонку, если бы он вышел из-под корней.

Целый день жулан сторожил Пика. Но когда зашло солнце, разбойник забрался в чащу спать. Тогда мышонок тихонько вылез из-под куста и убежал.

Может быть, впопыхах он сбился с пути, только на следующее утро он опять услышал за кустами плеск реки. И опять ему пришлось повернуть и бежать в другую сторону.

Конец путешествия

Пик бежал теперь по высохшему болоту.

Здесь рос один сухой мох; бежать по нему было очень трудно, а главное – нечем было подкрепиться; не попадались ни черви, ни гусеницы, ни сочная трава.

На вторую ночь мышонок совсем выбился из сил. Он с трудом взобрался ещё на какой-то пригорок и упал. Глаза его слипались. В горле пересохло. Чтобы освежиться, он лёжа слизывал со мха капельки холодной росы.

Начало светать. С пригорка Пик далеко видел покрытую мхом долину. За ней снова начинался луг. Сочные травы там стояли высокой стеной. Но у мышонка не было сил подняться и добежать до них.

Выглянуло солнце. От его горячего света быстро стали высыхать капельки росы.

Пик чувствовал, что ему приходит конец. Он собрал остатки сил, пополз, но тут же свалился и скатился с пригорка. Он упал на спину, лапками вверх, и видел теперь перед собой только обросшую мхом кочку.

Прямо против него в кочке виднелась глубокая чёрная дырка, такая узкая, что Пик не мог бы всунуть в неё даже голову.

Мышонок заметил, что в глубине её что-то шевелится.

Скоро у входа показался мохнатый толстый шмель. Он вылез из дырки, почесал лапкой круглое брюшко, расправил крылья и поднялся на воздух.

Сделав круг над кочкой, шмель вернулся к своей норке и опустился у её входа. Тут он привстал на лапках и так заработал своими жёсткими крылышками, что ветер пахнул на мышонка.

«Жжжуу! – гудели крылышки. – Жжжуу!...»

Это был шмель-трубач. Он загонял в глубокую норку свежий воздух – проветривал помещение – и будил других шмелей, ещё спавших в гнезде.

Скоро один за другим вылезли из норки все шмели и полетели на луг – собирать мёд. Последним улетел трубач. Пик остался один. Он понял, что надо сделать, чтобы спастись.

Кое-как, ползком, с передышками, он добрался до шмелиной норки. Оттуда ударил ему в нос сладкий запах.

Пик ковырнул носом землю. Земля поддалась.

Он ковырнул ещё и ещё, пока не вырыл ямку. На дне ямки показались крупные ячейки серого воска. В одних лежали шмелиные личинки, другие были полны душистым жёлтым мёдом.

Мышонок жадно стал лизать сладкое лакомство. Вылизал весь мёд, принялся за личинок и живо справился с ними.

Силы быстро возвращались к нему: такой сытной пищи он ещё ни разу не ел с тех пор, как расстался с матерью. Он дальше и дальше разрывал землю – теперь уже без труда – и находил всё новые ячейки с мёдом, с личинками.

Вдруг что-то больно кольнуло его в щёку. Пик отскочил. Из-под земли лезла на него большая шмелиная матка.

Пик хотел было кинуться на неё, но тут загудели, зажужжали над ним крылья: шмели вернулись с луга.

Целое войско их накинулось на мышонка, и ему ничего не оставалось, как броситься в бегство.

Со всех ног пустился от них Пик. Густая шёрстка защищала его от страшных шмелиных жал. Но шмели выбирали места, где волос покороче, и кололи его в уши, в ноги, в затылок.

Одним духом – откуда и прыть взялась! – домчался он до луга и спрятался в густой траве. Тут шмели отстали от него и вернулись к своему разграбленному гнезду.

В тот же день Пик пересек сырой, болотистый луг и снова очутился на берегу реки.

Пик находился на острове.

Постройка дома

Остров, на который попал Пик, был необитаемый: мышей на нём не было. Жили тут только птицы, только змеи да лягушки, которым ничего не стоило перебраться сюда через широкую реку.

Пик должен был жить здесь один.

Знаменитый Робинзон, когда он попал на необитаемый остров, стал думать, как ему жить одному. Он рассудил, что сперва надо выстроить себе дом, который защищал бы его от непогоды и нападения врагов. А потом стал собирать запасы на чёрный день.

Пик был всего только мышонок: он не умел рассуждать. И всё-таки он поступил как раз так же, как Робинзон. Первым делом он принялся строить себе дом.

Его никто не учил строить: это было у него в крови. Он строил так, как строили все мыши одной с ним породы.

На болотистом лугу рос высокий тростник вперемежку с осокой – отличный лес для мышинной постройки.

Пик выбрал несколько растущих рядом тростинок, влез на них, отгрыз верхушки и концы расщепил зубами. Он был так мал и лёгок, что трава легко держала его.

Потом он принялся за листья. Он влезал на осоку и отгрызал лист у самого стебля. Лист падал, мышонок слезал вниз, поднимал передними лапами лист и протягивал его сквозь стиснутые зубы. Размочаленные полоски листьев мышонок таскал наверх и ловко вплетал их в расщеплённые концы тростника. Он влезал на такие тонкие травинки, что они гнулись под ним. Он связывал их вершинками одну за другой.

В конце концов у него получился лёгкий круглый домик, очень похожий на птичье гнёздышко. Весь домик был величиной с детский кулак.

Сбоку мышонок проделал в нём ход, внутри выложил мхом, листьями и тонкими корешками. Для постели он натаскал мягкого, тёплого цветочного пуха. Спаленка вышла на славу.

Теперь у Пика было где отдохнуть и прятаться от непогоды и врагов. Издали самый зоркий глаз не мог бы заметить травяное гнёздышко, со всех сторон скрытое высоким тростником и густой осокой. Ни одна змея не добралась бы до него: так высоко оно висело над землёй.

Лучше придумать не мог бы и сам настоящий Робинзон.

Незванный гость

Проходили дни за днями.

Мышонок спокойно жил в своём воздушном домике. Он стал совсем взрослым, но вырос очень мало. Больше расти ему не полагалось, потому что Пик принадлежал к породе мышей-малюток. Эти мыши ещё меньше ростом, чем наши маленькие серые домовые мыши.

Пик часто теперь подолгу пропадал из дому. В жаркие дни он купался в прохладной воде болота, неподалёку от луга.

Один раз он с вечера ушёл из дому, нашёл на лугу два шмелиных гнезда и так наелся мёду, что тут же забрался в траву и заснул.

Домой вернулся Пик только утром. Ещё внизу он заметил что-то неладное. По земле и по одному из стеблей тянулась широкая полоса густой слизи, а из гнезда торчал толстый кургузый хвост.

Мышонок не на шутку струсил. Гладкий жирный хвост похож был на змеиный. Только у змей хвост твёрдый и покрыт чешуёй, а этот был голый, мягкий, весь в какой-то липкой слизи.

Пик набрался храбрости и влез по стеблю, поближе взглянуть на незваного гостя.

В это время хвост медленно зашевелился, и перепуганный мышонок кубарем скатился на землю. Он спрятался в траве и оттуда увидел, как чудовище лениво выползло из его дома.

Сперва исчез в отверстии гнезда толстый хвост. Потом оттуда показалось два длинных мягких рога с пупырышками на концах. Потом ещё два таких же рога – только коротких. И за ними наконец высунулась вся отвратительная голова чудовища.

Мышонок видел, как медленно-медленно выползло, точно пролилось, из его дома голое, мягкое, слизкое тело гигантского слизняка.

От головы до хвоста слизняк был длиной добрых три вершка.

Он начал спускаться на землю. Его мягкое брюхо плотно прилипало к стеблю, и на стебле оставалась широкая полоса густой слизи.

Пик не стал дожидаться, когда он сползёт на землю, и убежал. Мягкий слизняк ничего не мог сделать ему, но мышонку было противно это холодное, вялое, липкое животное.

Только через несколько часов Пик вернулся. Слизняк куда-то уполз.

Мышонок залез в своё гнездо. Всё там было вымазано противной слизью. Пик выкинул весь пух и постелил новый. Только после этого он решился лечь спать. С тех пор, уходя из дому, он всегда затыкал вход пучком сухой травы.

Кладовая

Дни становились короче, ночи холоднее.

На злаках созрели зёрна. Ветер ронял их на землю, и птицы стаями слетались к мышонку на луг подбирать их.

Пику жилось очень сытно. Он с каждым днём полнел. Шёрстка на нём лоснилась.

Теперь маленький четырёхногий робинзон устроил себе кладовую и собирал в неё запасы на чёрный день. Он вырыл в земле норку и конец её расширил. Сюда он таскал зёрна, как в погреб.

Потом этого ему показалось мало. Он вырыл рядом другой погреб и соединил их подземным ходом.

Всё шли дожди. Земля размякла сверху, трава пожелтела, намокла и поникла. Травяной домик Пика опустился и висел теперь низко над землёй. В нём завелась плесень.

Жить в гнезде стало плохо. Скоро трава совсем полегла на землю, гнездо приметным тёмным шариком висело на тростнике. Это уже было опасно.

Пик решил перейти жить под землю. Он больше не боялся, что к нему в норку заползёт змея или потревожат его непоседливые лягушата: змеи и лягушата давно куда-то исчезли.

Мышонок выбрал себе для норки сухое и укромное местечко под кочкой. Ход в норку Пик устроил с подветренной стороны, чтобы холодный воздух не задувало в его жилище.

От входа шёл длинный прямой коридор. Он расширялся в конце в небольшую круглую комнатку. Сюда Пик натаскал сухого мху и травы – устроил себе спальню.

В его новой подземной спальне было тепло и уютно. Он прорыл из неё под землёй ходы в оба свои погреба, чтобы ему можно было бегать, не выходя наружу.

Когда всё было готово, мышонок плотно заткнул травой вход в свой воздушный летний домик и перешёл в подземный.

Снег и сон

Птицы больше не прилетали клевать зерно. Трава плотно легла на землю, и холодный ветер свободно разгуливал по острову.

К тому времени Пик ужасно растолстел. Какая-то вялость на него напала. Ему лень было много шевелиться. Он всё реже вылезал из норки.

Раз утром он увидел, что вход в его жилище завалило. Он разрыл холодный рыхлый снег и вышел на луг.

Вся земля была белая. Снег нестерпимо сверкал на солнце. Голые лапки мышонка обжигало холодом.

Потом начались морозы.

Плохо пришлось бы мышонку, если б он не запас себе пищи. Как выкапывать зёрна из-под глубокого мёрзлого снега?

Сонливая вялость всё чаще охватывала Пика. Теперь он не выходил из спальни по два, по три дня и всё спал. Проснувшись, отправлялся в погреб, наедался там и опять засыпал на несколько дней.

Наружу он совсем перестал ходить.

Под землёй ему было хорошо. Он лежал на мягкой постели, свернувшись в тёплый, пушистый клубок. Сердчишко его билось всё реже, всё тише. Дыхание стало слабым-слабым. Сладкий, долгий сон совсем одолел его.

Мышки-малютки не спят всю зиму, как сурки или хомяки. От долгого сна они худеют, им становится холодно. Тогда они просыпаются и берутся за свои запасы.

Пик спал спокойно: ведь у него было два полных погреба зерна. Он и не чуял, какое неожиданное несчастье скоро стрясётся над ним.

Ужасное пробуждение

Морозным зимним вечером ребята сидели у тёплой печки.

– Плохо сейчас зверюшкам, – задумчиво сказала сестрёнка. – Помнишь маленького Пика? Где он теперь?

– А кто его знает! – равнодушно ответил брат. – Давно уж, верно, попал кому-нибудь в когти.

Девочка всхлипнула.

– Ты чего? – удивился брат.

– Жалко мышонка, он такой пушистый, жёлтенький...

– Нашла кого жалеть! Мышеловку поставлю – сто штук тебе наловлю!

– Не надо мне сто! – всхлипывала сестрёнка. – Принеси мне одного такого маленького, жёлтенького...

– Обожди, глупая, может, и такой попадётся.

Девочка утёрла кулачком слезы.

– Ну, смотри: попадётся – ты его не трогай, мне подари. Обещаешь?

– Ладно уж, рёва! – согласился брат.

В тот же вечер он поставил в чулане мышеловку.

Это был тот самый вечер, когда Пик проснулся у себя в норке.

На этот раз его разбудил не холод. Сквозь сон мышонок почувствовал, как что-то тяжёлое надавило ему на спину. И сейчас же мороз зацепил его под шёрсткой.

Когда Пик совсем очнулся, его уже било от холода. Сверху его придавили земля и снег. Потолок над ним обвалился. Коридор был засыпан.

Нельзя было медлить ни минуты: мороз шутить не любит. Надо в погреб и поскорей наестся зерна: сытому теплей, сытого мороз не убьёт.

Мышонок выскочил наверх и по снегу побежал к погребам. Но весь снег кругом был изрыт узкими глубокими ямками – следами козих копыт.

Пик поминутно падал в ямки, карабкался наверх и снова летел вниз.

А когда добрался до того места, где были его погреба, он увидел там только большую яму. Козы не только разрушили его подземное жилище, но и съели все его запасы.

По снегу и по льду

Немного зёрен Пику удалось всё-таки откопать в яме. Козы втоптали их в снег копытами.

Пища подкрепила мышонка и согрела его. Опять начала охватывать его вялая сонливость. Но он чувствовал: поддашься сну – замёрзнешь.

Пик стряхнул с себя лень и побежал.

Куда? Этого он и сам не знал. Просто бежал и бежал, куда глаза глядят.

Наступила уже ночь, и луна стояла высоко в небе. Мелкими звёздочками блестел кругом снег.

Мышонок добежал до берега реки и остановился. Берег был обрывистый. Под обрывом лежала густая, тёмная тень. А впереди сверкала широкая ледяная река.

Пик тревожно понюхал воздух.

Он боялся бежать по льду. Что, если кто-нибудь заметит его посреди реки? В снег хоть зарыться можно, если опасность.

Назад повернуть – там смерть от холода и голода. Впереди где-нибудь есть, может быть, пища и тепло. И Пик побежал вперёд. Он спустился под обрыв и покинул остров, на котором долго жил так спокойно и счастливо.

А злые глаза уже заметили его.

Он не добежал ещё до середины реки, когда сзади стала его настигать быстрая и бесшумная тень. Только тень, лёгкую тень на льду он и увидел, обернувшись. Он даже не знал, кто за ним гонится.

Напрасно он припал к земле брюшком, как делал всегда в минуту опасности: его тёмная шёрстка резким пятном выделялась на сверкающем синеватом льду, и прозрачная мгла лунной ночи не могла спрятать его от страшных глаз врага.

Тень покрыла мышонка. Кривые когти больно впились в его тело. По голове что-то крепко стукнуло. И Пик перестал чувствовать.

Из беды в беду

Пик очнулся в полной темноте. Он лежал на чём-то твёрдом и неровном. Голова и раны на теле сильно болели, но было тепло.

Пока онлизывал свои раны, глаза его понемножку начали привыкать к темноте.

Он увидел, что находится в просторном помещении, с круглыми стенами, уходящими куда-то вверх. Потолка не было видно, хотя где-то над головой мышонка зияло большое отверстие. Через это отверстие в помещение проникал ещё совсем бледный свет утренней зари.

Пик посмотрел, на чём он лежит, и сейчас же вскочил.

Лежал он, оказывается, на мёртвых мышах. Мышей было несколько, и все они зачехнели: видно, лежали здесь давно.

Страх придал мышонку силы.

Пик выкарабкался по шероховатой отвесной стене и выглянул наружу.

Кругом были только засыпанные снегом ветви. Внизу под ними виднелись макушки кустов.

Сам Пик находился на дереве: выглядывал из дупла.

Кто принёс его сюда и бросил на дно дупла, мышонок так никогда и не узнал. Да он и не ломал себе голову над этой загадкой, а просто поспешил скорей удрать отсюда.

Дело же было так. На льду реки его настигла ушастая лесная сова. Она стукнула его клювом по голове: схватила когтями и понесла в лес.

К счастью, сова была очень сыта: она только что поймала зайчонка и съела, сколько могла. Зоб её был так плотно набит, что в нём не оставалось места даже для маленького мышонка. Она и решила оставить Пика про запас.

Сова отнесла его в лес и кинула в дупло, где у неё была кладовая. Она ещё с осени натаскала сюда с десятков убитых мышей. Зимой добывать пищу бывает трудно, и даже таким ночным разбойникам, как сова, случается голодать.

Конечно, она не знала, что мышонок только оглушён, а то сейчас же проломила бы ему череп своим острым клювом! Обыкновенно ей удавалось приканчивать мышей с первого удара.

Пику повезло на этот раз. Пик благополучно спустился с дерева и шмыгнул в кусты.

Только тут он заметил, что с ним творится что-то неладное: дыхание со свистом вылетало у него из горла.

Раны не были смертельны, но совиные когти что-то повредили ему в груди, и вот он начал свистеть после быстрого бега.

Когда он отдохнул и стал дышать ровно, свист прекратился. Мышонок наелся горькой коры с куста и снова побежал – подальше от страшного места.

Мышонок бежал, а позади него оставалась в снегу тонкая двойная дорожка: его след.

И когда Пик добежал до поляны, где за забором стоял большой дом с дымящими трубами, на след его уже напала лиса.

Нюх у лисы очень тонкий. Она сразу поняла, что мышонок пробежал тут только что, и пустилась его догонять.

Её огненно-рыжий хвост так и замелькал меж кустов, и уж, конечно, она бежала гораздо быстрее мышонка.

Горе-музыкант

Пик не знал, что лиса гонится за ним по пятам. Поэтому, когда из дома выскочили две громадные собаки и с лаем кинулись к нему, решил, что погиб.

Но собаки, понятно, его даже не заметили. Они увидели лису, которая выскочила за ним из кустов, и кинулись на неё.

Лиса мигом повернула назад. Её огненный хвост мелькнул в последний раз и исчез в лесу. Собаки громадными прыжками пронесли над головой мышонка и тоже пропали в кустах.

Пик без всяких приключений добрался до дома и шмыгнул в подполье.

Первое, что Пик заметил в подполье, был сильный запах мышей.

У каждой породы зверей свой запах, и мыши различают друг друга по запаху так же хорошо, как мы различаем людей по их виду.

Поэтому Пик узнал, что тут жили мыши не его породы. Но всё-таки это были мыши, и Пик был мышонок.

Он так же обрадовался им, как Робинзон обрадовался людям, когда вернулся к ним со своего необитаемого острова.

Сейчас же и Пик побежал отыскивать мышей.

Но разыскать мышей здесь оказалось не так просто. Мышиные следы и запах их были всюду, а самих мышей нигде не было видно.

В потолке подполья были прогрызены дырки. Пик подумал, что мыши, может быть, живут там, наверху, взобрался по стенке, вылез через дырку и очутился в чулане.

На полу стояли большие, туго набитые мешки. Один из них был прогрызен внизу, и крупа высыпалась из него на пол.

А по стенкам чулана были полки. Оттуда доносились замечательные вкусные запахи. Пахло и копчёным, и сушёным, и жареным, и ещё чем-то очень сладким.

Голодный мышонок жадно набросился на еду.

После горькой коры крупа показалась ему такой вкусной, что он наелся прямо до отвала. Так наелся, что ему даже дышать стало трудно.

И тут опять в горле у него засвистело и запело.

А в это время из дырки в полу высунулась усатая острая мордочка. Сердитые глазки блеснули в темноте, и в чулан выскочила крупная серая мышь, а за ней ещё четыре такие же.

Вид у них был такой грозный, что Пик не решился кинуться им навстречу. Он робко топтался на месте и от волнения свистал всё громче и громче.

Серым мышам не понравился этот свист.

Откуда взялся этот чужой мышонок-музыкант?

Серые мыши чулан считали своим. Они иногда принимали к себе в подполье диких мышей, прибежавших из лесу, но таких свистунов никогда ещё не видали.

Одна из мышей бросилась на Пика и больно куснула его в плечо. За ней налетели другие.

Пик еле-еле успел улизнуть от них в дырочку под каким-то ящиком. Дырочка была так узка, что серые мыши не могли туда за ним пролезть. Тут он был в безопасности.

Но ему было очень горько, что его серые родственники не захотели принять его в свою семью.

Мышеловка

Каждое утро сестрёнка спрашивала у брата:

– Ну что, поймался мышонок?

Брат показывал ей мышей, какие попадались ему в мышеловку. Но это были всё серые мыши и девочке они не нравились. Она даже немножко боялась их. Ей непременно надо было маленького жёлтого мышонка, но в последние дни мыши что-то перестали попадаться.

Удивительней всего было, что приманку кто-то съедал каждую ночь. С вечера мальчик насадит пахучий кусочек копчёной ветчины на крючок, насторожит тугие дверцы мышеловки, а утром придёт – на крючке нет ничего, и дверцы захлопнуты.

Он уж и мышеловку сколько раз осматривал: нет ли где дырки? Но больших дырок – таких, через которые могла пролезть мышь, – в мышеловке не было.

Так прошла целая неделя, а мальчик никак не мог понять, кто ворует у него приманку.

И вот утром на восьмой день мальчик прибежал из чулана и ещё в дверях закричал:

– Поймал! Гляди: жёлтенький!

– Жёлтенький, жёлтенький! – радовалась сестрёнка. – Смотри, да это же наш Ник: у него и ушко разрезано. Помнишь, ты его ножиком тогда?.. Беги скорей за молоком, а я оденусь пока.

Она была еще в постели.

Брат побежал в другую комнату, а она поставила мышеловку на пол, выскочила из-под одеяла и быстро накинула на себя платье.

Но когда она снова взглянула на мышеловку, мышонка там уже не было.

Пик давно научился удирать из мышеловки. Одна проволочка была в ней немножко отогнута. Серые мыши не могли протиснуться в эту лазейку, а он проходил свободно.

Он попадал в ловушку через открытые дверцы и сейчас же дёргал за приманку.

Дверцы с шумом захлопывались, но он быстро оправлялся от страха, спокойно съедал приманку, а потом уходил через лазейку.

В последнюю ночь мальчик случайно поставил мышеловку у самой стенки, и как раз тем боком, где была лазейка, и Пик попался. А когда девочка оставила мышеловку среди комнаты, он выскочил и спрятался за большой сундук.

Музыка

Брат застал сестрёнку в слезах.

– Он убежал! – говорила она сквозь слёзы. – Он не хочет у меня жить!

Брат поставил блюдечко с молоком на стол и принялся её утешать:

– Распустила нюни! Да я его сейчас поймаю в сапог!

– Как в сапог? – удивилась девочка.

– Очень просто! Сниму сапог и положу его голенищем по стенке, а ты погонишь мышонка. Он побежит вдоль стенки – они всегда по самой стенке бегают, – увидит дырку в голенище, подумает, что это норка, и шмыг туда! Тут я его и схвачу, в сапоге-то.

Сестрёнка перестала плакать.

– А знаешь что? – сказала она задумчиво. – Не будем его ловить. Пусть живёт у нас в комнате. Кошки у нас нет, его никто не тронет. А молочко я буду ставить ему вот сюда, на пол.

– Всегда ты выдумываешь! – недовольно сказал брат. – Мне дела нет. Этого мышонка я тебе подарил, делай с ним, что хочешь.

Девочка поставила блюдо на пол, накрошила в него хлеба. Сама села в сторонку и стала ждать, когда мышонок выйдет. Но он так и не вышел до самой ночи. Ребята решили даже, что он убежал из комнаты.

Однако утром молоко оказалось выпитым и хлеб съеденным.

«Как же мне его приручить?» – думала девочка.

Пику жилось теперь очень хорошо. Он ел теперь всегда вдоволь, серых мышей в комнате не было, и его никто не трогал.

Он натаскал за сундук тряпок и бумажек и устроил себе там гнездо.

Людей он остерегался и выходил из-за сундука только ночью, когда ребята спали.

Но раз днём он услышал красивую музыку. Кто-то играл на дудочке. Голос у дудочки был тонкий и такой жалобный.

И опять, как в тот раз, когда Пик услышал «соловья-разбойника» – жулана, мышонок не мог справиться с искушением послушать музыку ближе. Он вылез из-за сундука и уселся на полу среди комнаты.

На дудочке играл мальчик.

Девочка сидела рядом с ним и слушала. Она первая заметила мышонка.

Глаза у неё стали вдруг большие и тёмные. Она тихонько подтолкнула брата локтем и прошептала ему:

– Не шевелись!.. Видишь, Пик вышел. Играй, играй: он хочет слушать!

Брат продолжал дудеть.

Дети сидели смирно, боясь пошевелиться.

Мышонок слушал грустную песенку дудочки и как-то совсем забыл про опасность.

Он даже подошёл к блюдцу и стал лакать молоко, точно в комнате никого не было. И скоро налакался так, что сам стал свистеть.

– Слышишь? – тихонько сказала девочка брату. – Он поёт.

Пик опомнился только тогда, когда мальчик опустил дудочку. И сейчас же убежал за сундук.

Но теперь ребята знали, как приручить дикого мышонка.

Они тихонько дудели в дудочку. Пик выходил на середину комнаты, садился и слушал. А когда он сам начинал свистеть, у них получались настоящие концерты.

Хороший конец

Скоро мышонок так привык к ребятам, что совсем перестал их бояться. Он стал выходить без музыки. Девочка приучила его даже брать хлеб у неё из рук. Она садилась на пол, а он карабкался к ней на колени.

Ребята сделали ему маленький деревянный домик с нарисованными окнами и настоящими дверями. В этом домике он жил у них на столе. А когда выходил гулять, по старой привычке затыкал дверь всем, что попадалось ему на глаза: тряпочкой, мятой бумажкой, ватой.

Даже мальчик, который так не любил мышей, очень привязался к Пику. Больше всего ему нравилось, что мышонок ест и умывается передними лапками, как руками.

А сестрёнка очень любила слушать его тоненький-тоненький свист.

– Он хорошо поёт, – говорила она брату, – он очень любит музыку.

Ей в голову не приходило, что мышонок пел совсем не для своего удовольствия. Она ведь не знала, какие опасности пережил маленький Пик и какое трудное путешествие он совершил, раньше чем попал к ней.

И хорошо, что оно так хорошо кончилось.

ТЕРЕМОК

Стоял в лесу дуб. Толстый-претолстый, старый-престарый.
Прилетел Дятел пёстрый, шапка красная, нос острый.
По стволу скок-поскок, носом стук-постук – выстукал, выслушал и давай дырку долбить.
Долбил-долбил, долбил-долбил – выдолбил глубокое дупло. Лето в нём пожил, детей вывел и улетел.

Миновала зима, опять лето пришло.

Узнал про то дупло Скворец. Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка. Чем Скворцу не теремок?

Спрашивает:

– Терем-теремок, – кто в тереме живёт?

Никто из дупла не отвечает, пустой стоит терем.

Натаascal Скворец в дупло сена да соломы, стал в дупле жить, детей выводить.

Год живёт, другой живёт – сохнет старый дуб, крошится; больше дупло – шире дыра.

На третий год узнал про то дупло желтоглазый Сыч.

Прилетел. Видит – дуб, в дубу – дырка с кошачью голову.

Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос острый, теперь я живу – Скворец, первый в роще певец.

А ты кто?

– Я Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. Ночью прилечу – цоп! – и проглочу. Ступай-ка из терема вон, пока цел!

Испугался Скворец Сыча, улетел.

Ничего не натаascal Сыч, стал так в дупле жить: на своих пёрышках.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про дупло Белка. Прискакала. Видит – дуб, в дубу – дырка с собачью голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос острый, жил Скворец – первый в роще певец, теперь я живу – Сыч. Попадёшь мне в когти – не хнычь. А ты кто?

– Я белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. У меня зубы долги, острые, как иголки. Ступай из терема вон, пока цел!

Испугался Сыч Белки, улетел.

Натакала Белка моху, стала в дупле жить.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнала про то дупло Куница. Прибежала, видит – дуб, в дубу – дыра с человеческую голову. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос острый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, теперь я живу – Белка – по веткам скакалка, по дуплам сиделка. А ты кто?

– Я Куница – всех малых зверей убийца. Я страшней Хоря, со мной не спорь зря. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Белка Куницы, усакала.

Ничего не натакала Куница, стала так в дупле жить: на своей шёрстке.

Год живёт, другой живёт – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнали про то дупло пчёлы. Прилетели. Видят – дуб, в дубу – дыра с лошадиную голову. Кружат, жужжат, спрашивают:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос острый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь к нему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакала, по дуплам сидела, теперь я живу – Куница – всех малых зверей убийца. А вы кто?

– Мы пчелиный рой – друг за дружку горой. Кружим, жужжим, жалим, грозим большим и малым. Ступай-ка из терема вон, пока цела!

Испугалась Куница пчёл, убежала.

Натащали пчёлы воску, стали в дупле жить. Год живут, другой живут – крошится старый дуб, шире дупло.

На третий год узнал про то дупло Медведь. Пришёл. Видит – дуб, в дубу – дырища с целое окнище. Спрашивает:

– Терем-теремок, кто в тереме живёт?

– Жил Дятел пёстрый – нос острый, жил Скворец – первый в роще певец, жил Сыч – попадёшь ему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакала, по дуплам сидела, жила Куница – всех малых зверей убийца, теперь мы живём – пчелиный рой – друг за дружку горой. А ты кто?

– А я Медведь, Мишка, – вашему терему крышка!

Влез на дуб, просунул голову в дупло да как нажал!

Дуб-то пополам и расселся, а из него – считай-ка, сколько лет копилось:

шерсти,
да сена,
да воску,
да моху,
да пуху,
да перьев,
да пыли,
да пх-х-х!..

Теремка-то и не стало.

ГДЕ РАКИ ЗИМУЮТ

В кухне на табуретке стояла плоская корзина, на плите – кастрюля, на столе – большое белое блюдо. В корзине были чёрные раки, в кастрюле был кипяток с укропом и солью, а на блюде ничего не было.

Вошла хозяйка и начала:

раз – опустила руку в корзину и схватила чёрного рака поперёк спины;

два – кинула рака в кастрюлю, подождала, пока он сварится, и —

три – переложила красного рака ложкой из кастрюли на блюдо.

И пошло, и пошло.

Раз – чёрный рак, схваченный поперёк спины, сердито шевелил усами, раскрывал клешни и щёлкал хвостом;

два – рак окунался в кипяток, переставал шевелиться и краснел;

три – красный рак ложился на блюдо, лежал неподвижно, и от него шёл пар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.